

ВИНЦЕНТ ШИКУЛА
**У ПАНА
ЛЕСНИЧЕГО
НА ШЛЯПЕ
КИСТОЧКА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

50 коп.

ВИНЦЕНТ ШИКУЛА

**У ПАНА
ЛЕСНИЧЕГО
НА ШЛЯПЕ
КИСТОЧКА**

Повести

ПЕРЕВОД СО СЛОВАЦКОГО
Н.ШУЛЬГИНОЙ

МОСКВА
•ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА•
1986

Vincent Šikula

«PÁN HORÁR MÁ ZA KLOBÚKOM MYDLENIČKU».
«Mladé letá», 1965.

«VAJIČKO SLIEPKY LILIPUTANKY»,
«Mladé letá», 1981.

«ĎURO, POZDRAV ĎURA»,
«Mladé letá», 1978.

Рисунки Т. БУРАКОВОЙ

Вступление Н. ШУЛЬГИНОЙ

Шикла В.
Ш57 У пана лесничего на шляпе кисточка: Повести/Вступл. и перевод со словац. Н. Шульгиной; Рис. Т. Бураковой.—М.: Дет. лит., 1986.—143 с., ил.

В пер.: 50 к.

Первые две повести крупнейшего словацкого прозаика («У пана лесничего на шляпе кисточка» и «Яичко курочки-невелички») носят во многом автобиографический характер, третья («Юрчику привет от Юрчика!») — сказочная, героями ее являются птицы.

Эта книга — о любви ко всему живому на земле, и прежде всего — к детям и животным.

Ш 4803020000—069
М101(03)86 538—84

И(Чехосл)

© Вступление. Перевод. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1986 г.

КТО НАПИСАЛ ЭТУ КНИЖКУ?

Бывают разные книжки. В одних — герои совершают необыкновенные подвиги, переживают необыкновенные приключения, а в других — с героями, казалось бы, не происходит ничего особенного, но писатель и в обыкновенном подмечает необыкновенное, то, что нередко ускользает от невнимательных глаз.

В одной книжке живут снежные королевы или злые волшебники, прекрасные принцессы или глупые короли, а в другой — писатель пишет лишь о том, что пережил сам.

Такую книжку вам сейчас и предстоит прочесть. В ней — все правда. Замечательный словацкий писатель Винцент Шиккула пишет о том, что сам пережил в детстве и в молодости, о том, что и сейчас глубоко волнует его. И пусть это даже сказка, сказка о деревенских ласточках и воробьях («Юрчику привет от Юрчика!»), она все равно реальна, жизненна и полна раздумий писателя о том, что он видит вокруг.

Винцента Шиккулу знают не только в его родной Словакии. Его романы, повести и рассказы переведены на многие-много языки мира, в том числе и на русский. И на про-

тяжении всего своего творчества — вот уже 20 лет — Шикула пишет для детей. А ведь для вас, ребята, пишут книжки обычно только те люди, в ком с особой силой живет память о детстве и кто сам на всю жизнь сохранил доброе детское сердце.

Родился Винцент Шикула в деревне Дубова, близ небольшого городка Модра на западе Словакии. Семья была большая, многодетная — из двенадцати детей (мальчиков и девочек поровну), многие стали музыкантами. Отец их, лесоруб, тоже хорошо играл на кларнете и частенько подрабатывал на деревенских свадьбах. А будущий писатель с малых лет играл на всех инструментах. О маленьком двенадцатилетнем музыканте Винценте вы можете прочитать в автобиографической повести писателя «Каникулы с дядюшкой Рафаэлем», которая вышла в издательстве «Детская литература» в 1967 году.

С пятнадцати лет Винцент Шикула и служил органистом, а затем, после окончания Братиславского музыкального училища, преподавал музыку в Модранской народной школе искусств. Но мы забегаем вперед, а пока это еще маленький деревенский мальчик, такой, как Йожко из первой повести нашей книжки — «У пана лесничего на шляпе кисточка». Винцо Шикула только начал учиться, когда грянула вторая мировая война. В 1944 году вспыхнуло Словацкое национальное восстание, немецкие фашисты ввели свои военные части в Словакию. В повести Винцент Шикула вспоминает о своем горьком детстве, в которое вторглась война и отобрала у словацких детей даже те немногие радости, которые у них были: школу, любимую учительницу, лес и все живое в нем.

«В годы войны, — вспоминает писатель, — я ходил в школу и кое-что помню из тех времен. Родился я в большой семье, и мой старший брат, музыкант-солдат, посылал нам свой армейский паек, и это было нам очень кстати, ведь мы часто голодали, мама даже старалась нас укладывать днем спать, чтобы мы есть не просили. Но в дни восстания брат исчез. А вернувшись, должен был скрываться. Я это помню особенно хорошо потому, что мне тогда из-за него сильно досталось. Уж очень мне хотелось похвастаться перед товарищами своим братом-парти-

заном. Я выбежал на улицу, прихватив тайком шапку, в которой вернулся брат с восстания. А что в этом было плохого? Я не мог понять, почему отец вздул меня за это. Понял я все только тогда, когда к нам во двор пришли немецкие солдаты и увели брата в гестапо...»

Война прошла. Словакия стала свободная, народная, социалистическая. Деревенский мальчик Винцо вырос. Во второй повести — «Яичко курочки-невелички» — он уже и сам папа. У него две дочери: Веронка и Агатка. Но как их жизнь не похожа на военное детство их папы! Сколько в ней радости, шалостей, родительской любви и опеки! Живут они в городе и лишь изредка наведываются в деревню к бабушке. Но в папе Веронки и Агатки, которого не покидает память о детстве, по-прежнему сильна любовь ко всем этим лугам и пригоркам, где он вырос и где когда-то пас коз и гусей. И чем сильнее его любовь к этим местам, а значит, и ко всей словацкой земле, тем сильнее тревога за нее и желание уберечь ее от тех, кто неразумно, а порой и безжалостно губит природу.

Об этом сказка «Юрчику привет от Юрчика!» Есть в ней и вставная сказка — о диких гусях и мальчике. Шикеле мил этот страдающий тяжелой болезнью мальчик, потому что он добр и дружит со всеми птицами и даже с негодницей кошкой. Все живое, считает писатель, имеет такое же право жить на земле, как и человек, а любовь к родине нерасторжимо связана с бережным отношением к природе.

В людях, в мире Винценту Шикеле всего дороже доброе, чистое, то, что нужно сохранить и передать тем, кто придет вслед за его поколением.

«Я верю в добро, оно не умирает, смертна только ненависть. Я часто вспоминаю свою школьную учительницу. Однажды я, деревенский мальчик, сидел пригорюнившись на лавочке. А она, проходя мимо, подняла с земли глиняный цветной шарик — такие мы тогда покупали на городских базарах и ярмарках и играли с ними — и протянула его мне. И мне стало так радостно! Учительницы давно нет, но память о ее добре до сих пор живет в моем сердце. Я рассказываю об этом моим ученикам, а они, возможно, еще кому-то, и так добро ее

переживет ее саму. Только добро передается от поколения к поколению...»

Вот поэтому Винцент Шикула пишет для детей, для тех, в ком он видит будущее. А это и вы, наши маленькие читатели. Он и вам посвящает свои добрые книжки. И конечно, хорошие, интересные — ведь «шикула» по-словацки значит «умелый человек, мастер»!

Н. Шульгина

У ПАНА ЛЕСНИЧЕГО
НА ШЛЯПЕ КИСТОЧКА

СЕНТЯБРЬ

Йожко не радовался ни новым башмачкам, ни праздничной одежде. Куда лучше махнуть задворками на Глїнник, на зеленую траву-мураву, где он пас все лето гусей. Вчера мальчишки нанесли туда прутьев, наломали ольшанику и соорудили большущий шалаш. Над шалашом повесили колокол. Конечно, не взаправдашний колокол, а кусок заржавелого рельса, по которому ударял Виктор. Виктор был «король», потому что Виктор был самый большой, только Виктору и дозволялось ударять в колокол.

— Пан король, жалоба!

— Какая?

— А вот такая...

Гуси сидели на берегу ручья, лесничий спал в холодке, на опушке Гра́бовки. Его видели мальчики, что возвращались с дровами из леса.

— Голопузые бароны, в лес утащат вас вороны! — так обычно дразнили ребят, которые приносили слишком тонкие хворостинки.

Йожко не должен был ходить по дрова, а его братья и сестры — обязательно. Они-то ходили в лес почти каждый день. Тащились по тропинке, сгибаясь под тяжелой вязанкой. Половину дров всегда продавали, а половину припасали на зиму.

— Голопузые бароны, в лес утащат вас вороны! — смеялись и над Йожкиными братьями и сестрами.

— Гуси где? — спросил Лойзо, самый старший Йожкин брат, и остановился на тропинке.

— Чего?

— Гуси где, спрашиваю.

— Гуси? Во-о-н! — ткнул Йожко пальцем в сторону ручья.

— Гони их домой! — приказал Лойзо. — Живо за ними да гони их домой.

Йожко побежал за гусями.

Лойзо ждал его на тропинке. Стоял и смотрел на мальчиков, сидевших у шалаша. Подошел к ним. Оглядел шалаш и дотронулся до колокола. Мальчишки глаз с него не спускали, но ни один не отважился и слова вымолвить. Лойзо большой. Больше, чем Виктор.

А вот уже и Йожко тут. Лойзо помог ему с гусями сладить, потому что гусям домой еще не хотелось. А не хотелось им потому, что солнце не зашло.

— Лойзо!

— Ну чего?

— Солнце еще не зашло...

Лойзо не отвечал. Стал серьезным.

Стал серьезным и Йожко.

Гусям домой не хотелось, то и дело приходилось позади них хлопать в ладоши.

— Подрежем им крылья,— сказал Лойзо, когда они вошли во двор.

— Гусям?

— Ага. Подрежем им крылья и посадим в клетки. Завтра начинается сентябрь, некому за гусями ходить.

НЕ ПОЙДУ Я В ШКОЛУ...

Йожко сидел на лавке у окна, на столе перед ним стояла недоеденная похлебка.

Марьенка с Магдой сидели у печи и надевали башмаки. Они без усталости повторяли стишок, который выучили еще в прошлом году.

*Воду девицы качали,
Водокачку поломали.
А хозяин из окна:
«Уж заплатите сполна!»*

Мама принесла корыто, поставила его посреди горницы, стирать собралась.

— Ты чего не ешь? — спросила она, подойдя к малышу.

Он поднял голову и захныкал:

— Мам, не пойду я в школу...

Мама всплеснула руками.

— Это почему ж ты не пойдешь?

— Чего мне там делать? Не умею ни читать, ни писать.

— Научись.

— Как научусь, если не умею?

— Вот там и научись.

Мама взяла его за руку и повела по двору вниз. Со двора в канавку, что тянулась по всей улице, стекала навозная жижа. Вдоль канавки росли ромашки и просвирняк. Подсядь Йожко к канавке, у него бы сразу была полная пригоршня зеленых просвирок.

На дороге остановилась тетушка Дрина. Она протянула

маме полынь, из полыни варят противный, горький-прегорький чай.

— Куда ведешь хлопчика? — спросила тетушка Дрина.

— В школу, — ответила мама.

— В школу? Неужто в школу? — заудивлялась, качая головой, тетушка Дрина.

А они пошли.

А Магда с Марьенкой прыгали впереди.

А Карол был уже в школе.

— Мам, Карол где?

— Карол уже в школе.

Бэта училась на портниху.

Лойзо пошел на поденку к тетке Пётрачихе.

— Мам!

— Ты чего опять?

— Мам, не пойду я туда, — снова заупрямился Йожко.

А вот уже и улочка, а перейдешь улочку — школа.

— Ма-ма! — оглянувшись, крикнули Магда с Марьенкой. Мама улыбнулась им, и они тут же замешались в стайке других девочек.

Мать с сыном постояли чуть во дворе, а как раздался звонок, поспешили за всеми в класс.

— Вот и наш Йожко, — подвела его мама к учительнице.

Учительница взяла мальчика за руку и подошла с ним к доске. «Теперь она начнет меня спрашивать,» — подумал Йожко, и глаза его наполнились слезами.

— Как тебя зовут? Скажи всем!

Он взглянул на нее, потом потупился.

— Йожко, — сказал он совсем тихо.

Дети шумели, наверно его и не слышали.

На четвертой парте Йожко заметил Душана Вёртика. Тот кивал ему и показывал свои щербатые зубы.

— Ты плакал. По глазам видать.

Йожко хотел сказать Душану, что не плакал, но учительница перебила его:

— Тихо!

Он оборотился к двери, думал — еще увидит маму. Но мамы уже не было. Мальчик и не заметил, как она вышла.

— Руки за спину! — снова раздался голос учительницы.

Ему вдруг сделалось очень-очень грустно.

УРОК БЫЛ СОВСЕМ ЛЕГКИЙ

Учительница прошлась между партами и остановилась у доски. Все замерли. Даже Душан Вертик, который все время вертелся по сторонам, и то вдруг притих и заложил руки за спину.

Учительница взяла мел и так, чтобы все видели, нарисовала на доске кружок.

— Что это? — спросила она.

Виктор Пешко поднял руку, но остальные ученики опередили его.

— Кружок, — ответили все хором.

Потом учительница провела черточку и снова спросила:

— А это что?

— Черточка.

И еще один кружочек, и еще две-три черточки, несколько совсем маленьких крючочков, и вот уже на доске — настоящий человечек.

— Что это?

— Мальчик, — ответили ученики в один голос. Они радовались, что сумели ответить на все вопросы.

А мальчик на доске смеялся. Он смеялся и был очень похож на Янко Якубеца.

— Это же Янко Якубец! Правда? — развеселился весь класс.

Янко Якубец сидел на последней парте. Он очень обрадовался, увидав себя на доске.

Потом учительница подошла к столу. Взяла со стола ручку и показала ее ребятам.

— Что это?

— Ручка.

— А это?

— Карандаш.

— А вот это?

— Резинка.

И всякий раз новые и новые предметы. И ученики почти всегда правильно называли их. А если кто и ошибался, если, например, на тетрадь говорил «книжка», то никто на него не сердился. Всякий раз все только смеялись, и ни с кем ничего не приключилось. Учительница была довольна, и ученики были довольны.

А потом раздался звонок.

ДОМА

По четвергам бывал свободный день, по четвергам не ходили в школу. Уже в среду вечером мама завела квашню, а в четверг с самого утра начала печь хлеб. Она принесла со двора кочергу и выгребла угли в старый глиняный горшок. Угли были раскаленные, и во все стороны пыхало от них жаром. В горнице скоро стало невыносимо дышать.

Карол сидел у окна, согнувшись над букварем, и читал:

— М-ма-аль-чи-ик Ми-ми-миланко. Б-бы-бы-была к-краси-и-вая м-ма-лень-кая д-де-ре-вушка... п-посре-е-дди д-деревушки с-сто-ял б-бе-лый д-до-м-мушко...

Деревушка была маленькая, а домушко и впрямь стоял посреди. Весь он был белый, и только по углам торчали кирпичи-сырцы из желтой глины и ячменной мякины. Из открытого двора стекала навозная жижа в канавку, которая тянулась через всю деревню. Вдоль канавки росли ромашки и просьвиры. Ах да, мы уже раз вспоминали про это.

Во дворе жил дядюшка Яно, который был ночным сторожем и всегда приносил детям яблочки. Ду-ду, ду-ду-ду — каждый вечер трубил дядя Яно в верхнем и нижнем конце деревни. Днем он спал или лушил дома фасоль. А то ходил взад-вперед по двору и нет-нет да и останавливался у их окна.

— Вы дома? — спросил, как обычно, дядя Яно.

— Дома.

— Так, стало быть, дома. А я только что встал. Иду по

двору, дай-ка, думаю, к вам загляну. Что-то мне невесело одному. Не худо бы и вам ко мне наведаться. А вы, никак, хлеб печете?

— Печем.

— Так после зайдите ко мне. Что-то невесело одному.

— Зайдем.

Дядя Яно отошел от окна. Карол перестал читать и, отложив книжку, посмотрел на маму.

— А лепешки будут? — спросил он.

— Лепешки вот-вот испекутся, — ответила мама. — Сперва лепешки, а потом хлеб.

Карол взял букварь и снова уткнулся в него.

— О-о-отец по-по-шел в ле-е-с...

Отец пошел в лес, было еще темно. На голове у него была шапка, на спине большой зеленый мешок, в мешке топор и железный кол.

Лойзо пошел на поденку.

Бета поехала в город, потому что она должна учиться на портниху.

Магда должна сидеть у деревянной люльки и все время петь.

А Елене не хочется спать.

Карол должен читать.

А один и один будет два.

А лепешки, верно, уже начинают румяниться.

— Кто получит самую большую лепешку? — спрашивает Магда.

— Самую большую лепешку получит Лойзо, — отвечает мама.

— А почему Лойзо получит самую большую?

— А потому Лойзо получит самую большую, что он самый старший.

И Магда перестает петь. Перестает петь и сразу в слезы. Плачет, что не она самая старшая.

А мама уже заглядывает в раскаленную печь.

А на дворе уже совсем холодно.

ГЕЛЕНКА

В один прекрасный день кто-то постучал в класс.

— Войдите! — сказала громко учительница и направилась к двери.

Стучавший остался стоять в коридоре, но, когда учительница отворяла дверь, дети успели разглядеть его.

— Какой он зеленый! — диву давались мальчики.

— Какие у него усики! — восхищались девочки.

— Глядите! Хи-хи-хи! На шляпе у него кисточка! — смеялся Душан Вертик.

— Знаете, кто это? — спросил Тоно Дольный.

— Ну кто, скажи!

— Отгадайте!

Снова отворилась дверь. В класс вошла учительница, за руку она вела девочку.

— Это Гелена, — представила она ее классу.

Ученики завертелись на партах. Каждому хотелось задать какой-нибудь вопрос, но каждый задал его сперва своему соседу. Как Геленина фамилия? Где они жили раньше? Кто ее отец?

Ее отец был лесничим. Приехали они сюда из Чадцы.

— Из Чадцы? — удивился Янко Якубец.

— Из Чадцы, — повторила Геленка еще раз.

— Это, должно быть, далеко. А вы сюда на поезде ехали?

— Не-ет, не на поезде. Нас на машине сюда привезли.

— И теперь будете здесь жить?

— Ага.

— В деревне?

— В лесу.

— В лесу-у?

— Как так в лесу? — наперебой спрашивали ребята.

У них не укладывалось это в голове. Но учительница наконец объяснила им, что лесничий потому и зовется лесничим, что живет в лесу. А Геленка живет в лесничестве. Учительница обещала ребятам, что когда-нибудь они все вместе сходят в лес на экскурсию. Потом она посадила Геленку на вторую парту, с Анкой Горловичовой. Ребята просто глаз не

могли от нее отвести. Все было интересно: и как она сядет, и как вытащит книжку из сумки, и какая у нее ручка, и какой карандаш.

— Смотрите! — воскликнула Роза Спокойная. — На руке у нее колечко.

И правда. На руке у Геленки было колечко. Колечко с голубым камешком. А больше ни у кого в классе колечка не было.

КАК ДЯДЮШКА ГЛОЗНЕК ДАВАЛ УРОК

В школе обычно бывало очень тепло. Дядюшка Глознек, служивший в школе сторожем, всегда приходил раньше всех, в седьмом часу. Разжигал щепки, подбрасывал к ним несколько буковых полешек, а уж когда в класс вбегали ученики, печь вовсю полыхала.

А как-то раз ученики собирались в школу очень-очень недружно. По одному, по двое подбегали они к двери и, даже не стяхнув с себя снег, вваливались в класс.

— Холодно вам?

— Холодно.

— Ладно, я еще подложу. — И дядюшка Глознек, отворив дверцы, подкинул в печь еще несколько поленец.

Потом подошел к столу, взял указку и раза три-четыре стеганул ею в воздухе.

— Так вот, сейчас я вам скажу кое-что...

— Скажите, скажите!

— А скажу я вам, что ваша учительница не придет нынче, — объявил дядюшка Глознек.

Он прошелся от окна к двери, а потом — снова к окну.

— А почему? Почему не придет?

— Почему, почему! Взгляните в окно! Ну может ли она по такому непогодьи прийти? Ходил бы поезд через нашу деревню, тогда она, глядишь, и приехала бы, а так — куда ей. Вчера все тропки занесло, а ночью метель еще пуще разошлась.

— И значит, мы сегодня не будем учиться?

— Ну и хитрецы! Отчего ж это вам не учиться? Уж раз пришли, так я вас ни за что в такую-то метель не выпущу. Нынче я вас буду учить, так и знайте!

— Вы?

— Я самый.

— Правда?

— Сущая правда.

Ученики подняли гвалт.

Но дядя Глозник взмахнул в воздухе указкой, и снова в классе настала тишина.

— Зарубите себе на носу, здесь кричать не положено. Руки за спину, и все дела. Ты чего хочешь?—спросил он Янко Якубеца, тянувшего руку.

— Я хочу это самое...

— Чего?

— Я хочу отвечать.

— А чего ты хочешь отвечать? Я еще ни о чем не спрашивал, а ты уж отвечать захотел. Садись, и все дела! Ну, слушайте!—обратился он к ученикам.—Вы про пса проходили?

— Про какого пса?

— Ну так я вас научу.—Дядя Глозник сперва откашлялся, а потом взял высоким певучим голосом:

*Несся пес
На овес,
На лужок зеленый...*

— Мы это уже проходили.

— Уже проходили? Ну тогда нарисуем этого пса. Достаньте бумагу и живо рисовать!

УЧИТЕЛЬНИЦА

Вдруг все дети поворотились к двери. Кто это? Что это? Что такое? Кто-то стоял за дверью, стряхивая с себя снег.

Кто это? Что это? Куда он идет? Может, в соседний класс, где всегда вел уроки директор?

Но дверь отворилась, и в класс вошла учительница.

Пораженные дети затаили дыхание.

— Вы пришли? — вытаращил глаза дядюшка Глозбек. Он словно прочел вопрос, который застыл в ребячьих глазах. — Так вы, значит, пришли?

Учительница только улыбнулась.

— И пешком пришли?

— Пешком.

— А директор сказал, что нынче вы наверняка не придете.

Учительница прошла в угол, стала греть над печью руки. На ресницах и в волосах у нее все еще сверкали снежинки. Она смотрела на ребят своими красивыми глазами, и взгляд ее был такой, что вскоре у всех засияли лица.

— А метель-то, метель! Ну и погодка! — все время причитал дядюшка Глозбек.

А учительница все время улыбалась.

И все ребята вдруг сразу поняли, что учительница очень-очень любит их и что она, конечно, самая лучшая учительница на свете.

КОГДА ПРИЛЕТАЮТ ЖАВОРОНКИ

— Да, такие дела! — говорит в один прекрасный день дядюшка Яно. — Ветер завернул. Подвяжу-ка я лозу, чтоб, чего доброго, окно не побила да чтоб ветер ее из земли не выдернул. Лоза-то уж больно хороша. Жаль будет! — И дядюшка Яно выходит во двор, оглядывает виноградную лозу, не завязались ли еще маленькие лиловые почки.

Под конец он выуживает из кармана шпагат и берется подвязывать лозу к ясеневому шесту.

— Что вы там делаете, дядюшка Яно?

— Тащите мне табуретку, потом скажу.

Дети — бегом в горницу, тут же выносят табуретку.

— Что это вы делаете, дядюшка Яно?

— Что делаю? Обираю.

— Чего обираете?

— Лозу обираю, не видите разве?

— А на лозе и нет ничего.

— Как так нет ничего? А это «ничего» называется? — Дядюшка Яно опускает руку в карман и вынимает яблочко.

— А где вы его взяли?

— Где взял, там его нет. — Дядя Яно разрезает яблочко на четыре равные доли и каждому вкладывает прямо в рот.

— А где вы взяли яблочко? — не унимаются дети.

— В саду, под ореховым кустом, — отвечает дядя Яно.

На детях — тряпочные тапочки, Бета сшила их из отцовского старого пальто. И прямо в этих тапочках они несутся по размокшему двору.

Между хлебом, в котором была привязана Рысуля, и курятником тают последние ошметки снега. С курятника упала красная черепица и разбилась на каменной стезе. Ветер продувает двор, обшаривая все щели, все закоулки. Ветки абрикоса шлепают о красную крышу конюшни.

— Нашли чего-нибудь? — спрашивает дядюшка Яно, когда дети воротились.

— Ничего не нашли, — отвечают они грустно.

— В самом деле?

— И впрямь! — Дети протягивают пустые ладошки.

— Так, так. Выходит, не нашли ничего.— Запустив руку за ворот, дядюшка Яно принимается почесывать заросшую шею.— Так, стало быть, вы думаете, я вас обманул? — спрашивает он.

— Мы ничего не нашли,— повторяют дети.

— Ну-ну. А знаете, когда прилетают жаворонки?

— А когда прилетают жаворонки?

— Думаете, обманывать вас собираюсь? А для чего мне обманывать? Я спрашиваю, знаете ли вы, когда жаворонки прилетают? Ну так вот, глядите! — Дядюшка Яно, подняв руку, смотрит вверх на серое небо.— Сейчас прилетают жаворонки. Видите? — указывает он пальцем.

— Где, где?

— А вы хорошенько взгляните.— Он прикладывает ладонь к самому уху, вслушивается.— Слышите?

— Слышим.

— Сейчас, вот сейчас прилетают жаворонки,— повторяет он, все время указывая вверх.

Дети глядят, глядят, пока наконец и впрямь не видят: жаворонка такой махонький, меньше булавочной головки. Дядюшка Яно, может, и не видит его — ведь у дядюшки Яно уже не такие зоркие глаза, как у них.

А дети видят жаворонка. И слышат, как он поет. Да, в самом деле жаворонки прилетают.

ИГРА

Солнце выпило все лужи. Землю вокруг каменной фигуры святого Яна¹ старательно обдул ветер. Настала пора играть в шарики. Куда ни глянешь, повсюду разгоряченные игроки.

— Сколько у тебя?

— Шесть.

— Шесть шариков — это ровным счетом ничего.

— Сам ты «ничего». Шесть шариков — это все-таки шесть шариков.— Янко Якубец даже обиделся.

¹ В прежние времена на сельских площадях и улицах люди устанавливали в честь святых, которых считали своими покровителями, их каменные или деревянные изображения. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Сунув руку в карман, он вытащил свои шесть глиняных разноцветных шариков.

— Вот, гляди! — показал он Виктору Пешко.

Тот, презрительно скривив нижнюю губу, двинулся дальше.

— Вертушка, сколько у тебя? — крикнул он Душану Вертику.

С Душаном никто не хотел играть. Душан приходил всегда с двумя-тремя шариками, а потом, обыграв всех подряд, уносился домой.

— Вертушка, сколько у тебя? — спросил Виктор еще раз.

— Два.

Виктор ухмыльнулся. А тут откуда ни возьмись — Йожко.

— Кто со мной будет играть?

— Сколько у тебя? — опять спросил Виктор.

Йожко похлопал по полному карману, и Виктор успокоился.

Враз сбежалась гурьбой детвора. Душан предложил игрокам поколдовать на счастье. Повернувшись на каблуке, он выдолбил глубокую ямку. Сперва обмел ее шапкой, потом еще и обдул. И засмеялся.

— Ну, что скажете? — спросил он, восхищаясь своей ловкостью.

— Что надо! — похвалили ребята ямку и стали играть.

*Рыба колдовала,
Чтобы не попало...—*

ворожил Душан Вертик.

— Не каркай! — рассердился Виктор.

*Колдовал и рак,
Чтобы было так...*

— Не слышал, что ли? — повторил Виктор.

Душан продолжал ворожить до тех пор, пока Йожко не подарил ему шесть шариков. Мальчик завизжал от радости и бросился искать, с кем бы поиграть.

Но стоило Душану отойти, как Йожко словно покинуло счастье. Он начал проигрывать. «Ну и ладно, — подумал. —

Игра есть игра. Когда везет одному, когда другому». Йожко сунул руку в карман — и даже поверить не мог. В кармане были последние три шарика.

— Последышки?

— Последышки.

В нескольких шагах от мальчиков играла Роза Спокойная.

Она держала в руках веревочку и высоко подпрыгивала. Вдруг, подбежав к ним, принялась успокаивать Йожко.

— Последышки не подведут! — уверенно сказала она, а чтоб еще больше подбодрить мальчика, тоже начала ворожить:

*Зеркало колдовало,
Чтобы в ямку все попало...*

— Тебе чего тут надо? — накинулся на нее Виктор.

— А тебе какое дело?

— Катись отсюда!

— И не подумаю!

Но тут Розу позвала мама. Хочешь не хочешь, а беги. Теперь снова стал выигрывать Йожко. В один миг карман у него был полон. Последышки не подвели.

Игра продолжалась. Но вдруг Виктор отошел в сторону и, прислонившись к дереву, спрятал руки в карманы.

— Иссyak, да? — спросил Йожко.

Виктор попробовал улыбнуться, но улыбки не получилось. Он поджал губы и не сказал ни слова.

Йожко пожалел его.

— Сколько у тебя было? — спросил он.

— Семнадцать.

Йожко призадумался. Потом вытащил из кармана горсть шариков и отсчитал ему все семнадцать.

КАК ДЯДЮШКА ЯНО ПЕРЕСАЖИВАЛ ЯБЛОНИ

— Дядя Яно, а вы что делаете?

— Пересаживаю.

— А что пересаживаете?

— Яблоню.

Остановившись возле дядюшки Яно, Йожко долго глядит, как тот подкидывает лопатой землю. Яма должна быть широкая, чтобы корню как можно лучше устроиться в ней, и, конечно, глубокая, чтобы ни завтра, ни послезавтра ветер не опрокинул деревце. Долго, очень долго приходится трудиться, пока посадишь яблоню.

— Дядя Яно, а где вы столько яблонек взяли? — спрашивает Йожко, заметив на дорожке большую вязанку деревьев.

— Выкопал, — отвечает дядюшка Яно, орудуя без передышки лопатой.

— Дядюшка Яно, а какие это яблони? — не успокаивается Йожко.

Интересно небось, какие вырастут на деревьях яблоки. Будут ли они большие или маленькие, будут ли желтые или красные — яблоки-то бывают самые разные.

— Я пока еще не знаю, какие будут яблоки, — говорит дядюшка Яно. — Вырыл их в лесу, под Грабовкой, так что это дикие яблони.

— Дикие?

— Они самые.

— Значит, и яблоки будут дикие?

— А яблоки не будут дикие.

— А в лесу были?

— Эге.

— А здесь не будут?

— Не будут. Потому не будут, что по осени я их привью. Привью их, и все дела.

— По осени?

— Эге.

— А осенью уже будут на них яблоки?

— Чего-чего?

— Будут ли уже яблоки, спрашиваю.

— Осенью еще ничего не будет. Кой на каких, может, и будет. На тех, что побольше, глядишь, какой дичок и уродится, да он никуда не годится.

— А почему?

— Дикое яблочко кислое.

— Кислое?

Йожко умолкает, но минуту спустя снова заговаривает.

— Некоторые любят и кислые яблочки,— говорит он дядюшке Яно.

— Да кто ж кислые любит? — спрашивает дядюшка Яно и при этом морщится так, словно и впрямь надкусил такое кислое яблочко.

— Вот я, например.

— Ну, это ты брось! — смеется дядюшка Яно и морщится еще больше. — Через года два-три у нас яблочко будет хоть завалясь. И маленьких и больших. А иные будут больше, чем козлячья голова.

— И они тоже будут дикие?

— Зачем же? Говорю, что осенью их привью.

— Но ведь это еще долго,— вздыхает Йожко.

— Долго?

— Если бы они уже сейчас были,— вздыхает он снова.

— Угу,— кивает и дядюшка Яно.

— А они правда будут?

— А почему ж им не быть?

— Такие, как козлячья голова?

— Такие. А которые и побольше.

— Если бы уж были,— вздыхает Йожко еще раз.

В ЛЕСУ ТРУДИЛИСЬ ЛЕСОРУБЫ

А пришел Йожко домой, на столе его уже дожидался узелок из маминого цветастого платка. В узелке увязаны были пирожки с повидлом. В красный, без крышки, бидончик налита похлебка. Йожка пообедал на скорую руку, взял бидончик, узелок — и айда!

— Смотри не заблудись! — крикнула ему вдогонку мама, но он уже не услышал.

По деревянным мосткам, переброшенным через грязную речушку, Йожко перешел на другую сторону улицы. Он не спустился вниз по Гоштакам — по проулку, что пересекал де-

ревню, а шмыгнул через Но́ваков двор. А потом еще через зады, потому что так было ближе.

На Нижних лугах повстречалась ему тетушка Ошкериха, она пришла сюда набрать в холстину травы.

— Обед несешь? — спросила она, когда Ёжко проходил мимо.

Мальчик только улыбнулся в ответ.

На опушке леса растут здоровущие дубы. Вместо мягкого мха под деревьями высоко подымается прошлогодняя трава, которую сельчане зовут «старинной». Когда случался засушливый год и поля не родили вдосталь сена, крестьяне серпами жали ее, относили домой и откладывали на зиму.

*Наша буренушка
Молока полнешенька...—*

повторял Ёжко стишок, который выучил в школе и который теперь ему вспомнился.

В лесу трудились лесорубы. Они пилили деревья, а потом разрезали их на метровые бревна. Проходя по тропе, по обеим сторонам ее мальчик видел длиннющие ряды дубовых поленьев. То ли обыкновенного дуба, то ли чернильно-орешкового. И кора у них одинаковая, и листья одинаковые, Ёжко не знал, как их различают. А отец понимал толк во всяком дереве.

— Махнем-ка вон ту ракиту! — сказал отец.

— Которую ракиту? — спросил дядюшка Теофил.

— Вон ту, у оврага!

— Ты давай ешь, а мы уж как-нибудь и без тебя управимся.

И лесорубы взялись подпиливать ракиту. Мальчику стало жалко ее. Летом она была похожа на вербу, а весной, когда лиственные деревья стояли совсем-совсем еще голые, ракита уже выбрасывала барашки.

ЧЕРЕЗ ЛЕС ШЛА ШИРОКАЯ ТРОПА...

Через лес шла широкая тропа. Летом зарастала она малиной и земляникой. С сосны на сосну перелетал дятел, на дубе рассиживалась кукушка. Стоял лес, в лесу скала, под скалой деревце, под деревцем гриб...

«Ку-ку, ку-ку, ку-ку...»

Йожко шагал по тропе. То в одну сторону подастся, то в другую: а не найдется ли случайно гриб в траве. Мальчик знал, что об эту пору грибы еще не растут, а все-таки мысль о них не покидала его.

«Ку-ку, ку-ку, ку-ку!..»

Йожко оглянулся. В этом году он еще не слышал кукушки. Даже ушам своим не поверил.

Он поглядел в другую сторону и увидел Геленку.

— Ты чего тут ищешь? — спросила девочка.

— Чего?

— В эту пору грибы не растут, — сказала Геленка.

Конечно, она заметила его еще раньше и, наверно, долгое время следила за ним.

— А может, растут, — возразил Йожко. — А может, какой гриб и поторопился вырасти? Почему какой-нибудь гриб не может спутать время?

— Гри-и-б? Ты что! В эту пору грибов еще не бывает, — твердила Геленка свое.

— А почему? Почему не бывает?

— Не знаю. Может, им холодно.

— Ничего не холодно.

— Нет, холодно.

— А вот и неправда.

— Папа сказал, что еще холодно, — объявила Геленка, и Йожко уже готов был с ней согласиться. Наверное, и правда холодно. Сколько раз бывало, что дядюшка Яно жаловался на холод, а Йожко вовсе не было холодно.

— А ты вот что скажи... — Йожко задумался. — А почему твой отец носит на шляпе кисточку?

— Какую кисточку?

— Ну на шляпе!

— На шляпе? Мой отец никакой кисточки не носит.

— Носит.

— Не носит.

— Носит.

— Так ее же все лесничие носят!

— Ну-у?

— Не веришь?

Йожко снова задумался.

— Скажи, а вы живете в лесничестве?

— А то нет, что ли?

— Я не знаю. Я еще никогда не был в лесничестве. А на что похож домик лесничего?

— На что похож? На обыкновенный дом и похож. Мы живем вон там, где тропа кончается. Если хочешь, можешь зайти к нам.

— А это далеко?

— Я тебе уже сказала — там, где тропа кончается...

Геленка взяла мальчика за руку, и они вместе пустились бежать.

ЛЕСНИЧЕСТВО

Вдруг дети остановились.

— Что это звонит? — спросил Йожко.

— Наши коровы, — ответила Геленка.

— А разве коровы могут звонить?

— Глянь!

Он посмотрел в ту сторону, куда указывала Геленка пальцем. Среди деревьев паслись коровы. И все, как одна, — пеструшки. У двух на шеях были колокольчики, а у третьей — жестянка.

— А это зачем?

— Чтоб не потерялись, — объяснила Геленка.

— А они разве далеко уходят?

— Бывает, и уходят, но мы их по колокольчикам отыскиваем. Ну вот мы и пришли, — сказала Геленка.

Вдруг затявкали пес.

— Это ваш пес?

— Наш.

— Не укусит?

— Не укусит.

Дети прошли еще немного, и перед ними вырос дом лесничего.

Йожко снова остановился.

— Пошли, пошли! — потянула его Геленка.

— В лесниковый дом?

— Мы же к нам идем.

— А ваш пес правда не укусит?

— Не укусит.

КОСУЛЯ

В лесничестве мальчику ужасно понравилось. Геленка повела его в свою комнату, показала ему куклы и игрушки. И сколько их у нее! Таковую уйму игрушек Йожко сроду не видел. У него-то у самого вообще игрушек не было. Да и комнаты своей не было. Сколько бы это было комнат, если бы каждый из его братьев и сестер вздумал иметь свою! Если хотелось играть, Йожко убегал из дома в загуменье или на Глинник.

На Глиннике стояли скирды, с которых можно было скатиться. Совсем как с ледяной горки. Или можно было наломать ольшаника и устроить себе шалашик. Из ольшаника.

Геленкина мама дала ему хлеб с маслом. Сперва он отказывался, но, увидев, что и Геленка собралась есть, протянул руку и взял душистую краюшку.

— А косулю ты уже показала? — спросила Геленкина мама.

— Нет, еще не показала.

— Какую косулю? — удивился Йожко.

Геленка повела его во двор. Она остановилась возле низенького сарайчика с маленькой деревянной дверкой и два раза постучала:

— Анна, Анна!

Из сарайчика выбежала косуля.

— Вот это чудо! — завизжал Йожко, даже забыв от удивления проглотить хлеб, которым был набит рот.

— Ты когда-нибудь видел косулю? — спросила Геленка.

— Видел, — ответил Йожко.

— А вот так, совсем-совсем близко?

— Совсем близко — нет.

— Это мне папка принес.

— Папка?

— Ага.

— А откуда?

— Из лесу.

— И она не убегает?

— Не убегает.

— Никогда?

— Иногда убегает, но в тот же день опять прибегает.

— Ну и чудеса!

— А ты бы хотел ее?

— А то нет?!

— А чего бы ты с ней делал?

— Мальчикам бы показывал.

— Мальчикам?

— Ага.

— А если бы она у тебя умерла?

— Не умерла бы.

— А вот и умерла бы.

— Почему бы ей у меня умереть?

— Косуля привыкла к лесу. В деревне ей было бы скучно.

— Я бы траву ей таскал.

— Все равно.

Йожко загрустил. И не потому, что позавидовал Геленке, что у нее косуля. А потому загрустил, что завтра он уже не увидит косули. Нельзя же видеть ее каждый день!

— Знаешь что? Ты можешь приходить к нам. Можешь приходить, когда тебе захочется. Мам, — поворотилась Геленка к маме, — правда, он может приходить к нам?

— А почему же нет? — сказала Геленкина мама. — Когда захочет, пускай и приходит.

— Ну и чудеса! — Йожко зашагал домой веселый-развеселый.

Геленка стояла у деревянной калитки и глядела ему вслед.

— Придешь? — крикнула она мальчику вдогонку.

— Завтра же и приду.

— Обязательно?

— Обязательно.

ВОРОБЕЙ

А раз Йожко шел в школу и нашел на дороге мертвого жаворонка. Собственно говоря, это был не жаворонок, Йожко просто думал, что это жаворонок. Держа птичку за лапки, он нес ее, чтобы показать мальчикам. Когда он вошел в улочку, которая вела к школе, его остановил дядя Глознец.

— Куда ты несешь этого воробья? — спросил дядя Глознец.

— Это не воробей, а жаворонок.

— Чего-чего?

— Жаворонок это.

Дядя Глознец сплюнул, а потом нагнулся, чтоб получше разглядеть воробья.

— И это, говоришь, жаворонок? Если это жаворонок, так воробей, стало быть, ты. Жаворонок, тоже скажешь! Если это жаворонок, так где у него хохолок?

— Какой хохолок?

— У жаворонка-то ведь на голове хохолок, а у воробья на головке ничегошеньки нету, — растолковывал дядя Глознец. А потом выпрямился и, сверкнув глазами, строго посмотрел на мальчика: — Слушай-ка! Этого воробья ты подстрелил?

— Я не стрелял.

— Ну, ну, эти ваши рогатки я на куски изорву! — пригрозил он пальцем.

— Какие рогатки?

— И уши вам оторву. Раз, говоришь, нету у вас рогаток, так и знай, уши оторву. Давай сюда! — Дядюшка Глознец протянул руку и отобрал воробья.

А тем временем подошли и другие ребята. Говорить ничего не говорили, только стояли и слушали.

— А что вы с ним сделаете? — спросил Йожко.

— Чего-чего?

— Что вы с ним сделаете, спрашиваю.

— Чего уж с ним делать? Закопаю, и все дела. Но если у кого найду рогатку, я вот так схвачу его за уши да вот так, вот так и отвинчу их. — Он схватил за уши Тоно Дольного, который был мастер стрелять из рогатки, и порядком оттащал его за уши.

КОСОБЕНЯ

Самую старшую гусочку звали Кособеней. Белехонькая она была, чисто снег, и только на голове — маленькая черная шапочка.

Правое крыло у нее было сломано и чуть не волочилось по земле.

— Куда тебя несет, Кособеня? — кричали гусочке, когда она сворачивала с дороги.

Кособеня, бывало, бежать, остальные гуси за ней. Все гуси вскоре расправляли крылья и взлетали вверх. А Кособеня только вздымала пыль на дороге.

— Глядите, глядите, — указывал Янко Якубец на черноперого гусака, который крыльями касался телеграфных проводов.

Йожко глядел на дорогу. Кособеня бежала и махала над дорогой одним крылом так, что за ней подымался столб пыли.

Кособеня вылупилась еще в прошлом году и поначалу совсем не росла. Меньше всех гусят была в стае, что тут будешь

делать! Идет, бывало, с выпаса или на выпас, никак не поспевает за стаей, а на озере, так и не догнав ее, стоит и жалобно попискивает. Все гусята уже летать научились, а она — еле по земле тащится.

— Что это с ней? — ломал голову Йожко, которому всегда в конце концов приходилось брать ее на руки и нести.

— Научится, — успокаивал его Душан.

— Нет, не научится.

— Сама не научится, мы научим.

— Как это научим?

— Не твоя забота!

И вот как-то раз Душан взял гусенка из Йожкиных рук, погладил по головке и чуть поиграл с его маленькими крылышками. А потом вдруг решил, что хорошо бы его слегка подбросить.

— А ничего с ним не случится? — спросил Йожко.

— А чего ему станет!

Душан поднял гусенка повыше и выпустил из рук.

— Ну видишь, летает! — завизжал он радостно и побежал за гусенком.

Йожко повеселел.

Душан взял гусенка еще разок. Попробовал подбросить его еще выше.

— Боится, — закричал Йожко, но гусенок уже летел, и, казалось, даже попытался свернуть, словно хотел изменить направление.

Душан поймал его снова и теперь уже полез с ним на скирду.

— Что ты хочешь делать?

— Увидишь.

Душан остановился у кромки скирды, поглядел вниз, поглядел да и развел вдруг руки. Гусенок пискнул и упал камнем в траву.

— Ты убил его, — заплакал Йожко.

Душан все еще стоял на скирде. Потом сел в солому и тоже расплакался.

Но гусенок вскоре зашевелился. Поерзал, поерзал и бегом за своей стаей.

Мальчики успокоились, утерли слезы.

— Ничего с ним не случилось?

— Вроде бы ничего!

Солнце стояло над самой Куклой. Если чуть прижмурить глаза, можно даже глядеть на него.

Они напоили гусей в речке, погнали домой.

И только входя во двор, Йожко заметил, что у гусенка правое крыло как-то отвисло. И всем тельцем он клонился в правую сторону, словно крыло тянуло его к земле. Позже, когда у него совсем побелели перья, заметила это и мама. Йожко молчал. Но по осени, когда мама сажала всех гусей в клетки, он попросил ее оставить гусочку на воле — пусть, мол, яйца несет. Кособеня снесла двенадцать яиц, и изо всех двенадцати вылупились гусята.

ОДНАЖДЫ

А однажды пришли дети в школу, а школа заперта. Некоторые стали протискиваться к двери: дверь откроется, вот они и попадут первыми в класс. Остальные ученики гонялись друг за дружкой по двору.

— Дядя Глознец проспал.

— И директор проспал.

— Проспала и учительница,— переговаривались дети, что стояли у самой двери.

— Нет, она не проспала,— возразила одна девочка.

— Проспала.

— Учительница — нет.

— И она, и она тоже.

— А вот и неправда.

— Все сегодня проспали, а не проспали бы, здесь бы уж были,— рассудил Юро Вáнда.

Наконец появился дядюшка Глознец.

Он вышел из школьного сарая с топором в руке.

— Дядюшка Глознец, откройте нам!

— Чего, чего?

— Откройте нам, дядюшка Глознец!

— Открыть? А зачем?

Все дети сгрудились вокруг школьного сторожа и, вытаращив глаза, глядели на него.

— Да и захотел бы, нечем мне отворить. Право слово! Только и остался у меня ключ от дровяника. А пришел я сюда за топориком. Мой он, топорик-то. Принес я его еще прошлой зимой, вот за ним и пришел. Так, так! Только и остался у меня ключ от дровяника.— Он поднял руку, показал ключ.

— Дядюшка Глознец, а куда вы дели ключи? — загалдели дети, но кое-кто уже стал догадываться, что, наверное, что-то случилось.

Что же могло случиться? Почему сегодня закрыта школа? Куда дядюшка Глознец ключи подевал? И где директор? Где учительница?

А школьный сторож стоял, стоял и только слюну сглатывал.

вал. Временами похоже было, что он хочет что-то сказать, но дети задавали ему столько вопросов, что он и не знал, на который раньше ответить. А может, не хотел отвечать. Он шевелил губами, словно во рту слова перекачивал.

— Дядюшка Глозек, что же случилось? — спрашивали дети и большие и маленькие.

— Чего, чего?

— Случилось-то что?

— А ничего.

— А школа почему закрыта?

— Почему, почему? Да потому, что закрыли. Уроков теперь не ждите, кончились. Можете по домам расходиться. Я совсем не обязан вам тут растолковывать, кто приказал школу закрыть. Правду говорю. Мне еще выплут за это. Закрыли ее, и все дела.

Какие-то мальчики завизжали и с криком понеслись по улочке, но большинство детей остались на школьном дворе. Вот бы узнать, что же такое стряслось. А уж первоклашкам, тем и вовсе не хотелось отправляться домой: нынче-то ведь им идти на экскурсию. Со вчерашнего дня только и говорили о том, и вот на тебе: никакой экскурсии. Надо же, обида какая!

— Дядюшка Глозек, и учительница не придет? — спрашивали первоклашки, не сводя глаз со школьного сторожа.

— Не придет, — ответил сторож печально.

— А почему? Почему? — снова посыпались вопросы.

— А чего ей тут делать, коли школа заперта? Говорю вам, ступайте домой! Из-за всякой тут болтовни беды потом не оберешься.

— А мы сегодня собирались идти на прогулку, — сокрушались ребята, но дядя Глозек лишь рукой махнул.

— Какая тут прогулка? — сказал он. — Теперь хоть каждый день прогуливайтесь. Вот, вот! Только и остался у меня ключ от дровяника. — Он еще раз показал детям ключ, запер сарай и, сгорбившись, пошел домой.

А ЧТО ЖЕ ЭТО ЗА ЗАПИСКА ТАКАЯ?

Старшекласники разошлись, и на школьном дворе осталась только кучка первоклашек. Никак не хотелось им верить, что их учительница не придет. А вдруг она просто опоздала? Почему она не может опоздать? И когда подымались метели, она тоже опаздывала. Но ни разу, ни разу не было, чтоб она совсем не пришла. Некоторые дети все еще думали, что дядя Глознецк подшутил над ними. И потому отправились к нему домой. Но дома его не застали. Ушел, мол, по дрова, сказала им тетушка Глознечиха.

— А директор знает? — спросили дети.

— А чего ему знать? — удивилась тетушка Глознечиха.

— А директор знает, почему школа закрыта?

— А как же ему не знать, ежели он сам ее закрывал? Пришел вчера после занятий, показал какую-то записку, дескать, от нашего сельского старосты ему принесли. А под конец взял ключи и сказал, что должен отдать их старосте.

— Старосте?

— Ему самому.

— И все из-за этой записки?

— Из-за нее, точно из-за нее.

— А что же это за записка такая?

— Такая уж записка. Указано в ней, что школу-де надо закрыть.

— А почему там так указано? — не успокаивались дети.

— Почему да почему! Ведь и самому старосте это кто-то наказал. Уроков теперь не ждите, кончились, — сказала тетушка Глознечиха и тоже стала отсылать детей домой.

— Но ведь мы сегодня хотели идти на прогулку, — горевали дети.

Тетушка Глознечиха покачала головой, повздыхала и пошла по своим делам.

— Подумаешь, прогулка, — оборотилась она еще раз к ребятам. — Теперь хоть каждый день прогуливайтесь.

ОХ И ПОДЛАЯ ШТУКА ВОЙНА!

Хаживал в лес и хромоногий Ондрей. Каждый день влочил он за собой маленькую тележку с решетчатыми боковинками. Плелся медленно, огибая камни и бугры, потому что был старый и одна нога у него была деревянная. Куда бы ни держал путь, повсюду таскал с собой палку: с ней идти было легче.

*Косолапый и хромой
Чинит ногу под горой! —*

кричали дети, завидев его. Иной раз какой-нибудь сорванец садился к нему в тележку, и Ондрей, сперва ничего не замечая, должен был тащить этого негодного мальчишку. И только оглянувшись, останавливался. Подняв палку, начинал браниться.

— Ну погодите, погодите! — грозил он палкой.

А потом снова трогался в путь. А за спиной у него опять раздавалось:

*Косолапый и хромой
Чинит ногу под горой!*

— Ты чей? — спросил он как-то раз Янко Якубеца.

— Ничей, — ответил вместо него Юро Ванда.

Ондрей оставил тележку на дороге, а сам подошел к детям. Мальчишки попятились.

— Сколько тебе лет? — спросил Ондрей.

— Чего?

— Сколько тебе лет, спрашиваю.

— Одиннадцать, — соврал Юро Ванда.

— А не врешь?

— Истинная правда.

— Скажи своему дружку, что он врет, — повернулся Ондрей к Душану Вертику.

— Не врет он, — солгал и Душан.

— И ты обманываешь, — сказал Ондрей Душану и снова поглядел на Юро Ванду. — Так сколько же тебе лет? Только правду говори!

— Девять.

— Точно?

— Точно.

— А тебе сколько?

— Семь,— сказал теперь правду и Душан Вертик.

— Вот ведь, ребятки,— повел речь колченогий Ондрей,— когда я был такой же вот шпингалет вроде вас, словом, когда мне было столько лет, сколько вам сейчас, у меня, поди, и ноги были такие же... Только для чего они были? — спросил он как бы сам себя и примолк.

— Рассказывайте, рассказывайте!

— А чего рассказывать-то?

— Дальше рассказывайте!

— Я только хотел сказать, что когда мне было столько лет, сколько вам, бегал я, поди, лучше, чем любой из вас. В самом деле. Сам черт бы меня не догнал.— Он, чуть склонив голову, прищурил один глаз, а другим посмотрел на Душана Вертика.— Ох и подлая штука война! — вздохнул он. А потом еще раз спросил: — Тебе сколько лет-то?

— Семь.

Ондрей пошел и уже больше не оглядывался. Он медленно удалялся, волоча за собой тележку и клонясь в одну сторону так, что казалось, вот-вот упадет.

В ЛЕС ПРИШЛИ МАШИНЫ

Ребята уж собрались было разойтись, когда один мальчик сказал:

— Давайте сами устроим экскурсию!

— Сами?

— Ну и что? Пойдем на экскурсию без учительницы.

— Как без учительницы?

— А так! — обрадовался Янко Якубец.— Пойдемте в лес сами. Геленка все равно ждет нас у себя дома, учительница же сказала ей, что мы придем к ним. Кто хочет идти, айда за мной.

Уже было, наверное, часов десять или одиннадцать, когда

мальчики зашагали по стежке вдоль журчащей речки. Тоно Дольный бросил в речку жестянку, и все смотрели, как волны уносят ее. Мальчики подошли к самому проселку, и только там жестянка скрылась под деревянным мостом.

Ребята огляделись: лес был совсем рядом. Некоторые кинулись вперед, чтобы быть в лесу первыми. И вдруг увидели телегу, доверху груженную скарбом. Это была телега дядюшки Вертика.

— А вы куда идете? — спросил мальчиков дядя Вертик.

— Идем на экскурсию, — ответил Душан за всех.

— На экскурсию? А куда?

— В лесничество.

— В лесничество? Как так? Ведь их-то я и перевожу в деревню.

— В деревню?

— Вот именно!

— А кого? Лесничего?

— Его самого.

— А почему? Почему их перевозите? — наперебой спрашивали дети.

Дядюшка Вертик хлестнул волов, оглянулся назад, на телегу — все ли там хорошенько увязано, уложено, и завздыхал:

— Вот дело-то какое. Лесничий получил приказ выбирать-ся из леса. Да и лесорубов нынче прогнали. Плохо дело. В лес и заглянуть-то теперь нельзя.

— Как так нельзя?

— А вот так! Сказывали, аэродром там будут строить.

— Аэродром?

— Он самый.

— В лесу?

— Вот именно.

— А разве могут самолеты там приземляться?

— Приземляться-то будут на Юнчовине, а в лесу их будут только прятать.

— Значит, аэродром будет на Юнчовине?

— И на Юнчовине, и в лесу. Кто их знает, как они там все устроят.

— А сходить туда поглядеть можно?

— Не пустят вас.
— Кто не пустит?
— Ну кто? Солдаты. Их там целый полк. Да вы разве не знаете, что в лес пришли машины?
— Какие машины?
— Военные, немецкие.
— А нам нельзя туда?
— Никак нельзя.
— А с Геленкой что?
— С какой Геленкой?
— С лесниковой дочкой.
— Она-то уж давно в деревне.
Что ж, хочешь не хочешь, а мальчикам придется поворачивать. Дядя Вертик раскурил трубку и снова завздыхал.
— Да, такие дела. Лесничий недолго у нас полесничил.
— А он что, уже больше не будет лесничим?
— Лесничим-то он останется, да какой же это лесничий, коли должен жить в деревне! Да, плохо дело, скажу я вам.
— Что плохо?
— Все.
Дядя Вертик снова стегнул волов, и лицо его затянулось облаком дыма.

ТАБЕЛЬ

Йожко завтракал, когда Душан свистнул под окном. С некоторых пор Душан свистел ему каждый день, и каждый день Йожко выскакивал на улицу. Тут они во весь дух мчались к школе — поглядеть, не начались ли занятия.

— Знаешь, какая новость? — выпалил Душан.
— Не-е, не знаю.
— В школу солдаты приехали.
— Ты что!
— Честное слово.

И мальчики бросились бежать.

Они промчались мимо статуи святого Флориана и в два счета очутились в верхнем конце деревни. Идти по улочке бы-

ло страшно: а вдруг их заметят и задержат? Поэтому мальчики обошли каменную ограду и пустились напрямки через школьный сад.

В саду цвели яблони. Близ пчельника, где не так-то давно дядюшка Глозек похоронил воробья, мальчики остановились. Сад всегда содержался в чистоте и порядке, а теперь повсюду, куда ни кинь взгляд, валялись листы бумаги. Йожко с Душаном поднимали один лист за другим и тотчас их узнавали. По большей части это были рисунки. Раньше одни хранились в директорской, другие висели в классах или в коридоре.

— Гляди! — сказал Душан и нагнулся к какой-то бумажке.

— Что это?

— Табель!

Йожко подбежал к нему.

— А чей? — спросил он.

— Не знаю, — ответил Душан.

Мальчики склонились над табелем и стали читать по складам. Давалось им это с трудом, они ведь были еще первоклассниками. Долго трудились они, пока наконец разобрали, что табель принадлежал Виктору Пешко. После зимних каникул Виктор Пешко, как и остальные ребята, отдал его учительнице. А теперь табель выбросили вместе с рисунками и школьными тетрадями.

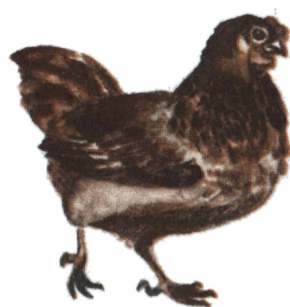
— Взять его? — спросил Душан.

— Возьми, — ответил Йожко.

И вдруг мальчики застыли как вкопанные. Оба глядели на школьное здание, и ни один не мог и слова вымолвить. Из окна класса, в котором они еще недавно учились, торчала гнедая голова лошади.

ЯИЧКО КУРОЧКИ-НЕВЕЛИЧКИ

ВЕРОНКА С АГАТКОЙ

Веронка с Агаткой были сестры, и жили они в городе. Обе в детский сад ходили. Веронка была на год старше, и ей пора бы уж ходить в школу, да ее не приняли — месяцев не хватило. А так хотелось в школу ходить! Она уже почти все буквы знала. А стишков, песен, считалок — тех и вовсе не перечесать!

И папа ею очень гордился. Иногда болели у него глаза, и он, бывало, возьмет да пожалуется. И конечно, нередко лишь затем, чтобы дочек похвалить.

— Ох уж глаза мои, глаза! Право, не знаю, что и делать с ними! На работе все в бумаги смотрю. А потом еще домой работу прихватываю. Вот потому и глаза у меня такие усталые, газету и ту не могу почитать. Но унывать мне нечего! У меня ведь две доченьки. Веронка вот-вот читать научится, будет мне газету и книжки читать. Я тогда про все первый узнаю.

— Папуленька, я тоже тебе буду читать! — тут же высказывала Агатка, так как во всем хотела сравняться со старшей сестрой. А то и обскакать ее. — Если хочешь, я тебе уже сейчас чего-нибудь почитаю.

И мигом в руках у нее газета. А Веронка р-раз газету.

— Ничего ты не будешь читать! Еще нос не дорос! Одни большие буквы знаешь.

Но с Агаткой не просто сладить.

— Вот большие буквы и буду читать. Папка, скажи Веронке, что ты хочешь, чтобы я читала тебе большие буквы.

— Кому твои большие буквы нужны! — сердилась на нее Веронка. — Все равно знаешь только четыре. И лучше всего «З» да «О». Вечно их повторяешь.

— Вот и выходит «Зоо». Потому что я больше всего зверюшек люблю. И книжки про зверюшек. И умею изображать обезьянку. Потому что я люблю всех зверюшек. Других

тоже могу изобразить.—Агатка скорчила рожу.—Вот я и буду все повторять, как обезьянка. Которую мы видели в зоологическом. Она тоже все повторяла.

И вот так почти всегда. И почти во всем. И когда сестры играли, и когда рисовали. И еще когда пели. Стоило Веронке запеть, как тут же вступала Агатка или же начинала что-то свое напевать.

Веронка ну сердиться:

— Ты чего меня сбиваешь, Агатка?

— Я тебя сбиваю? Это ты, Веронка, меня сбиваешь. Почему ты всегда на меня злишься и почему всегда меня учишь?

А случалось и так: какая-нибудь знакомая тетя просила Веронку прочитать стишок. Но Веронка была немножко стеснительной, а то, может, просто не могла решить сразу, какой стишок выбрать. И пока она раздумывала, Агатка опережала ее.

Конечно, Веронка знала больше песен и стихов. Да и что удивительного, она ж была старше! Но Агатке все равно всегда и во всем хотелось быть первой. Всякий раз, когда Веронка начинала декламировать, Агатка тотчас выскакивала. А прочтет все, что знает, и поймет, что за Веронкой ей все равно не угнаться, сразу принимается по второму разу все повторять.

Иногда приходилось ее и одергивать.

— Агатка, ты ведь нам это уже читала!

— А это потому, тетя,—бурчала Веронка,—что когда она уже ничего больше не знает, она всегда начинает чего-нибудь повторять. Она только повторялки знает. Всегда читает одни повторялки.

Но Агатку не так-то просто сбить с толку.

— Тетя, а я забыла поклониться. Я иногда забываю, что нужно отвесить поклон. Поэтому какой-нибудь стишок и повторяю. Вот и сейчас я забыла.—И она кланялась. А кланяясь, обыкновенно улыбалась и снова читала стишок, который только что от нее слышали.

А случалось, она хотела читать стишки только потому, что к ним в гости приходил новый человек.

— Не сердитесь на меня, пожалуйста,— просительно начинала Агатка.— Но я должна еще раз прочитать стихотворение, и я снова должна поклониться, потому что к нам пришел новый дядя, а он меня еще ни разу не слышал и даже не похвалил.

— Ты хочешь, чтобы каждый тебя хвалил. И дома, и в детском саду. Все должны тебя только хвалить-нахвалять.

— Ну хорошо, хорошо! Не ссорьтесь!— Маме то и дело приходилось унимать девочек.— А будете ссориться, тотчас пойдете в постель. Думаете, ваши ссоры-раздоры кого-то интересуют? Если все время будете препираться, никто не станет ходить к нам.

Да и дядюшка Фяла, который часто гостил у них, всегда поддерживал маму:

— Вот именно! Чего такой гвалт подымаете? Если дети у меня крик подымают, враз собираю их на «огонек». Я ведь горняк, так уж у нас в шахте заведено, вот и я, когда дети мои в чем провинятся, враз их на «огонек» созываю. Отчитываю, а то и по одному месту насчитываю. Якуб тоже получает свое. И всех тут же в постель. Даже «Сказку» по телику не смотрят. Так что не вздумайте безобразничать! Не то сразу потяну вас на «огонек»!

«ОГОНЕК»

В детский сад поначалу девочек водила мама. А после обеда, возвращаясь с работы, забирала их домой. На работу мама ездила автобусом, и бывали дни, когда домой она возвращалась довольно поздно. Тогда девочки уходили из сада одни из самых последних. Да еще потом мама водила их по городу: надо было купить что-нибудь. Обычно что-нибудь к ужину. Веронка с Агаткой любили ходить по магазинам. А какой ребенок, скажите, не любит по магазинам ходить? Но иногда мама бывала ими не очень довольна. Почитай в каждом магазине девочки для себя что-то присматривали, и мама, хоть и не прочь была их побаловать, не во всем им потакала. А хуже всего то, что Агатка обычно хотела одно, а Веронка другое.

То, чего даже в одном магазине не купишь. И маме частенько приходилось приструнивать девочек. Тогда уж обеим от нее доставалось: «Раз не можете поладить между собой, ни одна ничего не получит».

Но после, когда дети дорогу в садик уже хорошо знали, мама разрешила им ходить туда вместе с Якубом. И на обратном пути они оставались у родителей мальчика до тех пор, пока мама или папа возвращались с работы и забирали их домой. Вот бы вам поглядеть, что тогда творилось в Якубкином доме! Часто за девочками увязывались подружки, а за Якубом — дружки. Ребят набегало туда со всей-всей улицы. И сразу весь дом — вверх дном. А тетя Фиалова ну ругать их. Да и дядя Фиала иногда не давал им спуска. Но он-то, ежели и ругал их, так обыкновенно только в шутку:

— Ну, что у вас тут происходит? Почему вы так развизжались? Думаете, мне в шахте крику мало? А ну-ка стройсь в ряд, да чтоб как положено. Так, как в садике строитесь! Вот я вас и научу, что такое «огонек».

Ребята выстраивались, а дядюшка Фиала каждого выкликал по имени, и каждый должен был крикнуть:

— Здесь!

И дядюшка Фиала каждому отвечивал по шлепку. Конечно, только понарошку. А как отшлепает, снова выстраивает их всех по росту и говорит:

— Так и знайте! Подымете крик, всегда по одному месту получите! Потяну вас всех на «огонек» и проучу как следует. Я горняк, а что такое «огонек», любой горняк знает. Я и детей всегда учу по-горняцки.

Но какой бы строгий вид ни напускал на себя дядюшка Фиала, дети, хоть и всегда его слушались, хохотали при этом до слез. Смеялись вовсю и тогда, когда получали по шлепку. И, бывало, даже приставали к нему:

— Дядя Фиала, сыграйте с нами в горняков! Сыграйте с нами в «огонек»!

— Будь по-вашему. Но сперва вы должны показать, умеете ли вы ловко копать?

— Тогда давайте копать.

И дети — ну бегать и прыгать по комнате, того и гляди, комнату в пух и прах разнесут.

— Только не здесь! Ребята, не здесь! — окликал их дядя Фиала. — Вы что здесь так скачете? Разве я велел вам стены раскапывать? Как-никак я здесь все своим трудом заработал! Если хотите копать, марш во двор!

Раз-два — и все дети во дворе. А дядюшка Фиала — откуда же взять ему столько тяпок? — обычно раздавал ребятам просто палочки. Но каждую палочку называл по-своему:

— Тебе вот кирка, а тебе — лопата, ты держишь отбойный молоток, а ты, если хочешь, можешь орудовать тяпкой.

И дядя Фиала каждому показывал, как надо работать, а потом ходил вокруг ребят и каждого наставлял уму-разуму:

— Врубай хорошенько! Глубоко забирай! Не бойся лопаты, не съест! А ну-ка поторапливайтесь, сейчас будет «огонек»! — А под конец выкрикивал: — На «огонек»! — все дети выстраивались, и он каждому давал по шлепку. А кому и по два шлепка. По два шлепка обыкновенно тогда, когда кто-нибудь из ребят останавливался перед дядей Фиалой и говорил:

— Дяденька Фиала, а мне достался такой слабый «огонек».

— Неужто слабый? Так, стало быть, еще получай! Веронка! — выкликал дядя Фиала.

Веронка отзывалась:

— Здесь!

И дядя Фиала, чтоб развеселить девочку, поддавал ей еще разок.

— Вот тебе еще один «огонек».

ДЯДЮШКА ШТЕЦКО

Только вот дорожка из садика чересчур длинна для девочек. Даже вздумай они поторопиться, и то по дороге всегда им что-нибудь встретится. Вдруг они заметят, что навстречу бежит котенок или, может быть, песик, и, конечно же, какой

ребенок к нему не кинется? Вот и Агатка — она ведь всех собак, что бродят по улицам, знает — кидается к песику:

— Чего вы боитесь, это же Бóбчо! — и Бобчо вмиг у нее в объятиях.

Ребята поглядывают на девочку искоса, а кое-кто спрашивает:

— Агатка, а ты не боишься, что он тебя укусит?

Агатка смеется:

— Вот еще, бояться! Бобчо, конечно, хочет меня пугать, но я не боюсь. Топну ногой и скажу: Бобчо! И он сразу хвостом завиляет. Он меня знает. Не бойтесь, он и с вами хочет просто познакомиться. Лучше всех песик знает, конечно, Якубка, потому что он Якубкин. Если Бобчо иногда и лает на вас, то просто потому, что хочет побегать с вами или поиграть с вами в салки.

Но не все дети верят ей. Даже взрослые и то, бывало, спрашивают:

— Агатка, кого это ты держишь? Чей это песик? Это что еще за псинка? Чего ты его мучаешь?

Дядя Фиа́ла, Якубки́н папа, тоже не раз на Агатку прикрикивал:

— Отпусти собаку, Агатка! Ты чего вечно ее хватаешь? Вот увидишь, когда-нибудь она укусит тебя и ты нюни начнешь разводить. Только нечего будет жаловаться, сама ведь виновата.

На площади, через которую Веронка с Агаткой проходили, жил дядюшка Ште́цко. Был он художник. И иногда заглядывал в гости к Веронкиным и Агаткиным родителям. И родители тоже — с дочками, конечно, — частенько отвечали художнику тем же.

А случалось, Веронка с Агаткой приходили к дяде Штецко сами:

— Дядя Штецко, а вы могли бы нарисовать нам что-нибудь на память в альбом?

— В альбом? На память? Не знаю, смогу ли. Еще нарисую что-нибудь, а потом вам не понравится.

— Не бойтесь, нам обязательно понравится. Мама купила нам альбомы, чтоб в них писать и рисовать на память, а начать их некому.

— Ну хорошо. Оставьте их у меня. Что-нибудь нарисую вам. Завтра, когда пойдете из садика, приходите за ними.

А на другой день дети уже валом валят к дядюшке Штецко. Да еще с каким топотом! Им у него и разместиться-то негде. Того и гляди, весь дом вверх тормашками перевернут. И все в один голос просят:

— Дяденька, и у нас есть альбомы, вы нам тоже нарисуйте на память.

— Бог ты мой, ну и напридумал же я себе работы! — вздыхает дядя Штецко. — Сиди теперь и рисуй в альбомы. Что делать с такой кучей альбомов? Ладно, оставляйте их здесь. Будет время, нарисую вам что-нибудь.

МЫШКА

А потом, что ни день, дети ходят и спрашивают:

— Дяденька Штецко, вы нам еще ничего не нарисовали в альбомы?

— Нарисовать-то нарисовал. Да только когда идете по лестнице, не топайте так. Топот я не выношу. А будете топать, я вам больше ничего не нарисую.

Так-то так, да ведь известно, какие дети бывают! Иногда приходят в гости как раз тогда, когда взрослые их меньше всего ожидают. И приходят именно с топотом. Ведь дети обычно не обращают на топот никакого внимания. И вдобавок еще бухают в дверь. Да вчетвером, а то бывает их еще больше. И каждый бухает двумя кулаками сразу.

— Дяденька Штецко, откройте нам поскорей! Идите сюда или выгляните в окошко!

Дядя Штецко с кистью в руке идет к двери.

— Ну что такое, что еще там? Что опять стряслось? Я вам уже раз сто говорил — когда идете ко мне, ни топать, ни стучать не положено! — сердится он на детей.

— Дядя, выгляните поскорей на улицу! У Агаты мышка в руке! И она гоняется с ней за ребятами!

Дядя Штецко отворяет окно, высовывается в него и действительно видит на улице целую ватагу детей, за которыми с хихиканьем носится Агатка, держа что-то в руке.

Дядя Штецко пробует окликнуть ее. Да разве Агатка услышит? Если только дети помогут, те, что приходили жаловаться на нее. Вон они уже снова на улице и бегом за своими развизжавшимися дружками. А верней, за Агаткой.

— Агатка, Агатка, тебя зовет дядя Штецко!

Дядя Штецко еще больше высовывается из окна. Сперва он грозит Агатке кистью, потом кивает ей головой и строгим голосом, который разносится на всю площадь, кричит:

— Агата, поди сюда наконец!

Минуту спустя Агатка стоит уже под окном, держа в руке самую настоящую мышь. Она даже на бегу ее не бросила.

Жалко было. Но девочка видит, что дядя Штецко сердится на нее. Агатка пугается и, не зная, что делать от страха, пускается в слезы:

— Дядя Штецко, я эту мышку просто подняла, потому что ребята ее ногами пинали. Вот посмотрите, я ведь ее просто за хвост держу. Куда-нибудь отнести хотела. Похоронить хотела. А ребята — давай от меня убежать, вот я и стала за ними с мышкой гоняться.

— Да выбрось же ты эту мышку! — кричит дядя Штецко. — И ступай руки мыть!

Но Агатке жалко выбрасывать мышку. Она держит ее за хвост, смотрит на нее и не знает, что с ней делать.

На счастье, из закулочной выходит городской подметальщик. Он уже кончил свою работу и сейчас в веселом настроении. Остановившись возле Агатки, улыбается ей и говорит:

— Ай-яй-яй, какая хорошая девочка! Да это никак Агатка! Что с тобой приключилось, Агатка? Ты чего нюни распустила? — И, словно сразу обо всем догадавшись, решает помочь Агатке. Весело щелкнув пальцами, добавляет: — Ай-яй-яй, и какая хорошенькая мышка! Послушай, Агатка, дай-ка ее мне! Не плачь, золотко, уж я-то похороню ее честь по чести.

ПРАВДА ЛИ, ВСЕ ХОРОШО?

Все хорошо. И к дяде Штецко девочки ходят в гости, когда им захочется. Но взрослые есть взрослые: для детей у них никогда нет времени.

Даже дядя Штецко и тот не всегда находит время для них.

Он, конечно, не любит говорить об этом девочкам, но иной раз, когда они приходят к нему, останавливается в дверях и задает им много-много вопросов. А спрашивает о том, о чем уже раньше спрашивал. Ни двери за ними не закрывает, ни в комнату не зовет. Напрасно девочки то и дело поглядывают на дверь. Почему дядя Штецко ее не закрыл?

Некоторые дети сразу смекают. Если они приходят в гости

и взрослые забывают дверь за ними закрыть, задерживаться там ни к чему. И дети обычно не ошибаются.

— Жвачку не хотите? — спрашивает дядя Штецко.

И хотя жвачку Веронка с Агаткой хотят, они понимают, что и на этот раз не ошиблись.

Да и дядя Штецко говорит это так, словно извиняется. Хоть и дал им по жвачке. Даже по две жвачки дал.

И даже проводил их до лестницы. И сказал:

— Был я сегодня у зубного врача. Зубы болят. И работы у меня по горло. А в другой раз приходите. Уж не забывайте меня!

На улице Веронка с Агаткой поглядывают друг на друга, и Веронка говорит:

— Агатка, он, кажется, нас выгнал!

— Он же дал нам жвачку, Веронка. Даже две дал. И разговаривал с нами. И про маму спрашивал. И про все. Вот смехота, он всегда про одно и то же спрашивает.

— А тогда почему дал нам по две жвачки? Всегда дает только по одной, а сегодня по две дал. И даже дверь не закрыл. Не хотел, чтоб мы у него оставались. Я больше к нему не пойду.

— Веронка, он же дал нам по две жвачки! Одна у меня уже во рту. Ты, может, не слышала, что дядя Штецко сказал, когда мы были уже на лестнице. Опять сказал, чтоб мы к нему приходили и чтоб не забывали о нем. Я и завтра пойду, увидишь. Хи-хи-хи, а вдруг дядя Штецко опять даст по две? По одной-то он и так всегда дает. Если позовет нас, я обязательно у него еще попрошу.

— А я к нему не пойду! Если хочешь, вот тебе и мои жвачки. Он дал их нам только для того, чтобы мы ушли. Почему он нас не впустил в комнату? Наверно, боялся, что мы будем хватать у него краски. Вечно он над этими красками трясется.

— Ну тогда и я, Веронка, не пойду, потому что дядя Штецко меня всегда за краски ругает. Только одну жвачку я уже разжевала. А вторую даже не хочу. В карман положу. Завтра съем. Или отдам кому-нибудь в садике. Может,

Якубко. Если хочешь, отдай свою жвачку Якубко. А маме скажем, чтобы она или папа и нам купили такие же краски, как у художников.

А ЧЕРЕЗ ДВА ДНЯ...

А через два дня Веронка с Агаткой, возвращаясь из садика, никак не могли придумать, чем бы им заняться. Каждый день ходить к Якубу не хотелось. Конечно, у дяди Штецко куда интереснее. Да и в других домах тоже. Только как в другой-то дом попадешь?

— Якубко, не сердись на нас,— сказала Агатка,— нам не хочется к вам идти. Каждый день к вам ходим. И играем тоже у вас. Разве нельзя хоть разочек к кому-нибудь другому пойти?

— Идите, если хотите.— Якубко презрительно поморщил нос.— А мне мама велела из сада идти прямо домой.

— А нам опять у вас ждать как всегда?

— Не хотите, не ждите.— Якубко даже немножко обиделся. А разве не обидно, что девочкам у них не нравится.— Я же не заставляю вас ходить к нам.

А как-то Якубко даже посмеялся над ними:

— Если к нам не пойдете, в другое место вас и не пустят. Вы ведь к нам все равно ходите потому, что в другой дом вас не пускают. Некуда вам идти. Думаете, я не знаю?

А тут уж и Веронка с Агаткой обиделись:

— Врешь. Нарочно врешь. Захотим, можем пойти к дяде Штецко.

— Ведь он на вас сердится.— Якубко знай над девочками подтрунивает.— И вы тоже на него сердитесь. Сами сказали.

— Не сердится он на нас. Мы тогда просто наврали. Пойдем, Агатка, именно к дяде Штецко и пойдем. А к вам все равно ходим только потому, что у вас есть Бобчо.

Якубко остается один. Сперва он думает, что девочки просто его разыгрывают. Но, видя, что они уходят все дальше и дальше и даже не оглядываются, начинает жалеть, что

не пошел с ними. А потом говорит себе: «Захочу, в два счета их догоню. А то и перегоню. Возьму да как дуну мимо!»

Якубко кричит им:

— Веронка, Агатка, смотрите!

Девочки оглядываются, а Якубко — ноги в руки и бежать. Да как дунет мимо! А уж перегнав, обернулся и, смеясь, говорит:

— Вот так дунул! Просто знать хотел, умеете ли вы торопиться. Я же на вас совсем не сержусь. Мне тоже хочется пойти с вами к этому старому деду.

— Мы идем к дяде Штецко. А он никакой не дед. И совсем не старый.

— Тогда, значит, пузатый. Ведь у него вот такое пузо. И у меня тоже пузо. И поэтому мне почти каждый пузан нравится. Правда, у него не очень большое пузо, но он мне все равно нравится. Нравится потому, что он нарисовал пузана. Я как-то у него на стене такой рисунок видел. Ну и классного пузана он нарисовал! Просто чудо, а не пузан! Я думал, дядя Штецко и мне такого в альбом нарисует, а он там коня изобразил. Не мог, что ли, к этому коню и пузана какого или хотя бы пузанчика пририсовать? Я тоже пойду с вами. Хочу посмотреть, висит ли у него еще этот чудо-пузан. Ну и махнул же я мимо вас пулей!

Веронка с Агаткой поартачились немного.

Но Якубко уже так хотел помириться с ними и пойти посмотреть на того чудо-пузана, которым все-все восхищались, что девочки и сами невольно заторопились к дядюшке Штецко.

В самом деле, если бы дядя Штецко даже не давал им никогда жвачки, все равно к нему интересно ходить, потому что он умеет так здорово рисовать. Что угодно нарисует. И для детей тоже. Да вот хоть взять такого пузана! Ну, разве плохо с таким дядей дружить?

Только как попасть к дядюшке Штецко? Что, если он опять впустит их только в прихожую? А ну как опять даст по две жвачки и скажет: «Приходите в другой раз!» А если будет в плохом настроении, может, даже двери не откроет как

следует, может, только сунет каждому в руку жвачку и сразу даст от ворот поворот.

— Веронка, я даже капельку боюсь,— сказала Агатка.— Он, правда, потому дал по две жвачки, что совсем не рассердился на нас. Может, только мы на него рассердились. Хотя он тоже давно к нам не приходит! Может, потому не приходит, что думает, ты на него сердишься.

— Знаешь, Агатка, пойдем к нему и, если увидим, что он на нас сердится, попросим прощения,— предложила Веронка.

— Нет уж, нечего просить прощения. Если начнем просить прощения, дядя Штецко сразу поймет, что мы сердились.

— А вдруг, Агатка, он спросит, почему мы так долго у него не были?

— Тогда мы скажем, что не хотели разбрасывать его краски. Хочешь, Веронка, я скажу? Мы хотели, скажу я, чтоб краски немножко отдохнули и чтоб хоть немножко полежали на месте.

А Якубко уже совсем невтерпеж:

— Скажем, что пришли посмотреть его пузана.

— Якубко, у него же есть и другие картины. Может, он и не поймет, о каком таком пузане мы говорим.

— Ну, значит, он сам пузан! Хоть живот у него и не очень большой, но голова точь-в-точь как у того пузана. Волос много, а голова все равно блестит. Потому что волосы у него тонкие и пострижены коротко.

— Агатка, знаешь, что спросим? — У Веронки мелькнула новая мысль.— Спросим его, почему он у нас так долго не был.

Раз, два — и ребята уже возле дома дядюшки Штецко. Стоят на лестнице, перешептываются, спорят, никак столкнуться не могут, кому же в дверь постучать.

— Я могу постучать,— прошептал Якубко, — но только не рассказывайте, что я про него говорил. Ни про голову, ни про живот! Постучу и пропущу вас вперед. Но все равно ничего ему не рассказывайте. Если что-нибудь скажете, я топну что есть силы и убегу. Он потом и вас выгонит.

— Не бойся, Якубко, мы ничего не скажем.

Якубко дотронулся до двери, потом обернулся.

— Подождите, сперва мне надо попробовать.

Он попробовал постучать по стене, но не было слышно. Не слышно было и тогда, когда он посильней постучал.

— По стене плохо пробовать,— сказала Веронка.— В стену все равно никогда не стучат. Если кто идет в гости, всегда стучит в дверь.

— Я же только пробую. Где же мне пробовать?

Веронка решила помочь мальчику советом, да позабыла, что стоит у дверей.

— Надо по стене кулаком. Гляди, Якубко, вот так!— И она забухала кулаком, только не по стене, а по двери.

И мальчик, испугавшись было сперва, вдруг разразился хохотом:

— Ха-ха-ха-ха, ну и бабахнула! И прямо в дверь, вот я скажу пузану.

Якубко, может, и правда бы на Веронку наябедничал. Но Веронка, как только дядя Штецко открыл дверь, извинилась:

— Не сердитесь, дядя Штецко, что я так сильно постучала. Хотела по стене, а получилось нечаянно по двери. Ведь по стене всегда бухают, а в дверь нужно потихоньку стучать. Не сердитесь, дядя Штецко, пожалуйста.

Дядя Штецко улыбался:

— Отчего мне сердиться? Я только обрадовался. Сразу бегом к двери. Не терпелось узнать, кто же мне так весело бухает.— Тут он заметил и Якуба:— Ах вот что, и Якуб здесь! Что нового, Якубко?

И Агатка— она ведь всегда была самая смелая— поторопилась и сейчас:

— Дядюшка Штецко, Якубко вас немножко боится. Знаете, что он сказал? Сказал, что вы пузан! Только вы его, пожалуйста, не ругайте. Потому что он сказал это просто так. Ему ваш пузан ужасно нравится. Та картинка с большим пузаном, которая висит на стене у вас в комнате.

А Якуб— уж лучше бы ему сквозь землю провалиться! Он только взглянул на дверь и сказал:

— Я такого не говорил. Дядя Штецко, я только хорошо про вас говорил. Агатка всегда все перевертывает. Я просто вашего пузана хвалил. Если хотите, можете даже в нашем садике спросить. И нашу воспитательницу, если хотите. Потому что один раз, когда никто не хотел есть шпинат, я даже добавку попросил. И сказал нашей воспитательнице и нашей поварихе, что потому ем столько шпината, что хочу быть похожим на вашего пузана. Дядя, если вы на меня сердитесь, так я лучше пойду домой...

— Что ты, Якубко, оставайся, прошу тебя. Не бойся, я не сержусь на тебя. И вот что, ребята: дам-ка я вам бумагу и краски. Будете рисовать — и карандашом и красками. А ты, Якубко, можешь даже пузана нарисовать. Если хочешь, себя нарисуй. А хочешь, меня попробуй.

В ВОСКРЕСЕНЬЕ

В воскресенье девочки всегда отправлялись с родителями на прогулку или навещали бабушку.

Бабушка жила в деревне.

Туда можно было доехать на автобусе, а то и пешком дойти — от города до деревни рукой подать. Особенно, если идти проселком вдоль лесной опушки. Случалось, сворачивали они и в лес — под деревьями нет-нет да и гриб сыщется или малина с земляникой — в зависимости от того, что когда поспевает.

Надо сказать, то были чудесные прогулки. Но Веронка с Агаткой все равно поминутно жаловались, что у них ноги болят. И папе приходилось по очереди сажать их к себе на плечи или на спину. Правда, случалось, вздыхали они и тогда, когда ноги у них не болели. И обычно обе вместе вздыхали. Тогда одну нес папа, а другую — мама.

Иной раз родители даже сердились. Мама скорее, чем папа, понимала, куда клонят девочки.

— Кто будет вас тащить, вы и прошли-то всего ничего. А уже ноги болят! А ну-ка топайте ножками, да рядышком, рядышком.

И папа, чтоб дело не дошло до ссоры или чтоб просто веселей всем шагалось, срезал для каждого в орешнике палку и говорил:

— Так! Теперь у всех у нас палочки. Они-то нам и помогут. Но чтобы они не устали, мы должны петь им песенку.

— Моя палочка уже устала.— Агатка всегда первая недовольно вертела носом.— Палочка тоже устала. Я таскать ее не буду. И петь ей тоже не буду.

— Ах, Агатка,—сердилась мама,—папа срезал тебе такую хорошую палочку, а ты ее обижаешь.

— Это папа меня обижает. Срезал палку, чтобы меня не носить. А мне не хочется носить его палочку. Мне тяжело носить палку.

— Если тебе тяжело, кинь ее вперед! — посоветовала как-то Агатке Веронка.— Потом поднимешь ее, два шага пройдешь и опять кинешь. Если будешь все время палочку кидать, увидишь, как легко тебе будет идти с ней.

— Палочка потому для тебя тяжела, что ты петь не хочешь,—сказал папа.— А ты научись маршировать с палочкой. Я пойду впереди, а вы за мной. Вы должны идти в ногу и при этом петь.

И папа зашагал еще бодрее. Он первый всегда затягивал песню, и обычно такую:

*Мы осинник миновали
И вошли в дубовый лес.
Там мы зяблика слышали,
Воробья услышим здесь.*

Вдруг папа остановился:

— Поглядите, девочки, только поглядите на эти пригорки. До чего ж они хороши, наши пригорки! Вон там Грефты, там Великая Кукла, а вон Малая Кукла. А это Колиграммы. А вон видите красивую лужайку, она так и называется Красный Лужок. Когда-то я хаживал на Красный Лужок коз пасти. У нас была всего одна коза, но, когда вспоминаю об этом, чудится мне, что было у нас штук десять, не меньше.

А молока совсем не было. Ни от одной. Коза была одна, да и то вместо молока давала молозиво.

— Ты нам всегда про это рассказываешь. И эти пригорки знай показываешь.

— А почему ж мне их не показывать? Я же вырос среди этих пригорков. И на этом Красном Лужку коз выпасал.

— Папа, одну или десять? — спросила Веронка.

— Какое десять! Одну-единую пас. А реши я сосчитать всех этих коз, ей-богу, их и не счесть. Красный Лужок подчас весь был усеян козами. Другие-то ведь тоже пасли. Я и чужих коз иной раз выпасал. А осенью там было море безвременниц...

— Раньше ты говорил, что там были осенницы, — перебила его Агатка.

— Безвременница или осенница — это одно и то же. Да, девочки, летом повсюду здесь были лишь козы и козы. А осенью, хоть это одно и то же, повсюду лишь безвременницы и осенницы.

Папе всегда хотелось подольше полюбоваться лужком и пригорками. Случалось, он так отдавался воспоминаниям, что даже не замечал, какими нетерпеливыми и беспокойными становятся дочери.

Но мама прикладывала к губам палец. И папа, заметив наконец это, оглядывал напоследок пригорки и говорил:

— Ну пошли, детки! Кто первый сбежит вниз, тому от бабушки самый большой пирожок достанется.

У БАБУШКИ

У бабушки весь год хорошо было. И очень красиво.

А сколько водилось всяких зверюшек, но об этом после. Красиво у бабушки было прежде всего потому, что имела она два садика: один цветочный — в нем сплошь цветы, ну а в другом — все что душе угодно. Даже виноград. И, само собой, яблоки и сливы. А виноград был на «побегунчиках», на таких веточках-отростках. Побег на лозе бабушка всегда называла «побегунчиками». И зимой виноградные гроздья висели на «по-

бегунчиках», хотя зимой они хранились в кладовке, чтоб не померзли. А возле «побегунчиков» висели колбаски и копченая грудинка, которыми бабушка всегда фасолевою похлебку сдабривала. Говорила, бывало:

— Мясца-то я лишь на двоих положила.

Но сколько бы человек ни усаживалось за обеденный стол, никогда не случалось, чтобы она кого-то обделила. Если в похлебке были колбаски, каждому перепадало по целой. А если грудинка — на каждой тарелке оставалось по косточке, с которой старательно обглаживалась вкусная мясная пленочка. И Веронка с Агаткой больше всего любили эту пленку на косточке. А кто бы не любил, скажите, пожалуйста? Ведь от этого копченого мясца и фасолька благоухала так, что слюнки текли!

Фасольку бабушка часто-пречасто варила. Чуть ли не каждый день. Хотя обычно она наваривала и какую-нибудь другую похлебку, но вдобавок к ней обязательно варила и фасолевою. И этак любовно ее называла: похлебочка. И эта похлебочка всякий раз имела свой особый вкус. Непременно такой, какой хотелось бабушке. Ведь и фасолинки не все одинаковы. Какие белые, какие желтые, а бывают пестрые или такие, как сера. Есть фасолины коричневые — светло- и темно-коричневые, есть красноватые и фиолетовые, одни совсем мелкие, а другие большие, продолговатые. А некоторые такие большущие — ну прямо как игральные бабки, а то и бабы. Их так и называют: бабы.

А еще бабушка печь была мастерица. Редко-редко когда не было у нее каких-нибудь пирогов. Или хотя бы чего-то мучного. Пироги с маком, с творогом, сметанные лепешки, вертута с маком или с черешней, иногда и с капустой, а то капустные оладьи или мягкие картофельные сочни, но чаще всего она выпекала булочки, «бухты», и обычно со сливовым повидлом.

Но — неведомо почему — обыкновенно сама же все и хулила.

— Вот уж и ведать не ведаю, чего я там настряпала, — так обычно она говорила о своих пирогах или лепешках. — Даже тесто недосуг было путем вымесить. Взбила его маленько

веселкой, да и кинула на противень. Вечно недосуг. Мне что-то не очень по вкусу. А вы отведайте, ведь это я для вас испекла!

Но, дело известное, она потому все обычно хулила, что не хотела хвалиться. Ведь чего бы ни напекла или ни наварила бабушка, в доме все всегда подчистую съедалось. Да и, конечно, больше бы съели — дай только! Ох уж и вправду: печь и варить бабушка была мастерица! Хороши были ее пироги! Хороши были лепешки и «бухты», о которых она всегда говорила, что сварганила их на скорую руку.

ЙОЖКО

Йожко — это Веронкин и Агаткин дядя. У папы было много сестер и братьев, но все они жили в других местах. Только Йожко, старый холостяк, жил у своей мамы.

Йожко был старше Веронкиного и Агаткиного папы, но редко кто называл его дядя Йожко. Даже дети говорили ему просто Йожко. «Дядя Йожко» говорили ему только те дети, которые его плохо знали.

Но Йожко и с незнакомыми детьми быстро сходилась. И Веронка с Агаткой, конечно, тоже любили его и всякий раз, когда он приходил, так и вешались ему на шею. Родители то и дело окрикивали их:

— Оставьте дядю Йожко в покое! Почему вы вечно пристаёте к нему?

Но Йожко никогда на детей не сердился. Взрослые обычно не любят долго возиться с детьми, а он никогда не жаловался, что у него нету для детей времени.

Дети кричали ему:

— Йожко, догоняй нас!

И он тут же пускался за ними вдогонку. И детишки всегда визжали, смеялись, им казалось, Йожко вот-вот их поймает. А он — наверное, нарочно — никогда сразу их не ловил. Наверно, потому не хотел их ловить, чтоб догонять подольше. Но если он уже слишком долго догонял, тогда дети говорили ему:

— Йожко, хватит! Теперь мы за тобой чуть-чуть погоняемся!

И Йожко — враз бежать, а дети — за ним, и догоняли его до тех пор, пока сил доставало, и тогда уже сам Йожко нарочно давался им в руки. А случалось, они даже просили его:

— Йожко, беги помедленней, ну пожалуйста! Мы больше не можем. Дай нам тебя поймать. Если поддашься нам, мы дадим тебе конфету.

Йожко конфеты любил. Всегда у него в кармане был кулечек конфет. И он любил угощать. Вытащит, бывало, кулечек, поднимет его кверху и спрашивает:

— Кто хочет конфетку?

Ну а кто, скажите, не хотел бы конфетки?

Когда собиралось много детей, Йожко каждому обычно давал только по одной. И себе брал одну. А если давал по две, то и себе брал две. Ну а когда не было у него конфетки, а ему хотелось, спрашивал:

— У кого есть конфетка?

Если у кого-нибудь находилась конфетка и тот угощал, Йожко радовался. Но брал всего одну. И лишь тогда брал вторую, если кто-нибудь ему говорил:

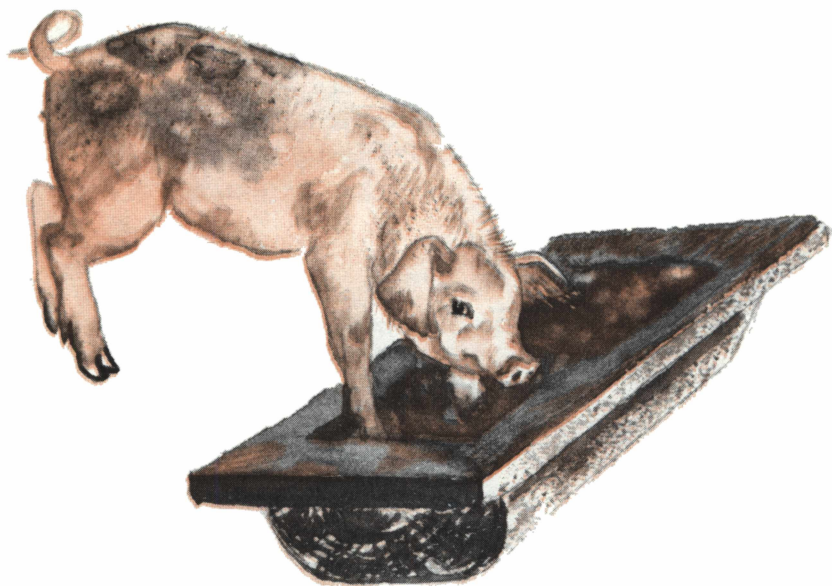
— Йожко, можешь и мою взять. Мне сейчас конфету не хочется.

Те, что знали его и долго не видели, обычно скучали по нему. Особенно дети скучали. И особенно тогда, когда некому было играть с ними. Оттого и Веронка с Агаткой вечно спрашивали:

— Почему Йожко так долго к нам не приходит?

— Ну, а зачем ему ходить? Мы же к ним ходим.

Йожко любил животных. Сколько у него было всяких зверюшек: кролики и куры, голуби и горлинки. А как он умел ворковать с горlinkами! Веронка с Агаткой не раз слышали, как он воркует. Он и поросенка любил им показывать. Когда они приходили к бабушке в гости, он всегда водил их к хлеву. Вот вырастет поросенок, говорил он, будет убоинка, угощение к празднику. Будет требушина колбаса и зельц, да и всякое другое мяско. Конечно, нет ничего лучше капусты со

свининкой, хотя капуста и без свинины хороша. А уж что говорить о зелье и о всяком копченье! А сальце — и вовсе пальчики оближешь! Но сперва поросенок должен подрасти.

А Агатка в ответ:

— Не сердись, Йожко, но мне уже сейчас поросенок нравится. Особенно потому нравится, что у него такое длинное и круглое рыльце. И на нем дырочки. И мне нравится, что поросенок так хрюкает. Я ведь тоже умею хрюкать. Мы, Йожко, в садике научились.

А Веронка, верно, для того, чтобы Агатка не опередила ее, тут же принималась хрюкать, а потом говорила:

— Я умела хрюкать, как поросенок, еще раньше, чем пошла в садик.

Но Агатке Йожкин поросенок, должно быть, и правда понравился. Потому что, оставшись одна, она попробовала запихнуть ему в дырочки палочку. И, наверно, покалечила бы животинку, если бы мама вовремя не окрикнула ее:

— Агата, ты что там делаешь?

— Ничего не делаю! — захныкала Агатка. — У меня только палочка. Я просто хотела узнать, влезет ли палочка поросенку в пяточок.

А Веронка — она все-таки постарше была, а значит, и немножко умнее, небось по опыту знала, как бывает, когда в нос запрыгнет горошина — тут же принялась учить сестру уму-разуму:

— Так тебе и надо, Агата, все на тебя сердятся. И я тоже сержусь! Почему ты вечно суешь кому-то что-то под нос или в нос?! Вот попадет поросенку в нос горошина или твоя палочка, поросенок умрет, и тогда узнаешь! Из-за тебя без поросенка останемся. И ничего вкусного к празднику у нас не будет. Я очень сержусь на тебя, так и знай!

Но Веронка посердилась на сестру, посердилась, а потом и пожалела ее: а вдруг еще и другие станут на Агатку слишком сердиться.

АГАТКА В ГОЛУБЯТНЕ

Но Агатка и вправду иногда становилась ужасной проказницей. Даже Йожко и тот на нее жаловался. И не только из-за поросенка. Однажды Агатка взобралась по лестнице к голубятням. И в одну из них — довольно просторную — влезла. А вот вылезти — ну никак. Ударилась в слезы, позвала Веронку, но и та не знала, как сестричке помочь.

— Агата, я пойду позову Йожко или маму.

— Нет, Веронка, они еще рассердятся на меня.

— Ну тогда папу. Он почти никогда не сердится. Он сердится только, когда мы мешаем ему.

— Нет, не зови, кто его знает, может, и он рассердится. Веронка, помоги мне, пожалуйста, а то эта голубятня еще вместе со мной упадет.

— Как я тебе помогу? Попробуй сама вылезти. Сначала одну ногу поставь на лестницу, потом вторую, а тогда уже легко спустишься.

— Веронка, у меня же только голова снаружи, — плакала

Агатка,— а голову на лестницу не поставишь. А если повернусь и высуну из голубятни ноги, тогда лестницы не увижу: куда мне ногу-то ставить?

— Ты повернись, Агатка, а как высунешь ноги, я тебе сразу скажу, куда их поставить.

Агатка послушалась, высунула ноги наружу, но напрасно Веронка подавала ей советы—влезть-то в голубятню было легко, а вот вылезти—дело нешуточное.

К счастью, вышел Ёжко и помог Агатке спуститься.

Но девочка и потом не могла успокоиться. И все только просила его:

— Ёжко, пожалуйста, не говори никому, что я была в голубятне. Веронка и то никому не скажет. Ведь если вы меня выдадите, ребята еще станут надо мной смеяться.

ВОРОНА

У Ёжко было много зверюшек. Кролики, поросенок, голуби и даже ручная ворона, которую звали Катка. Если Катка куда отлетала, то стоило Ёжко крикнуть—и она тут как тут.

Сколько раз девочки думали: пропала Катка! И звать ее звали, и кричали ей во всю мочь—ворона как сквозь землю провалилась. А все потому, что дяди Ёжко не было дома. А как придет домой, Веронка с Агаткой сразу жаловаться:

— Ёжко, ворона потерялась, Катка потерялась!

— Отчего ж это она потерялась? Где это она могла потеряться? Коли нету ее, позвать надобно.

— Да мы звали ее, звали. Знаешь, Ёжко, как мы громко кричали.

— Значит, кричать не умеете! Значит, плохо кричите! А может, она вас боится. Ворона знать человека должна. Гляньте-ка! Раз-два, и она тут как тут!—Ёжко прикладывал руку ко рту и кричал:—Катка!

Ёжко кричал, звал, девочки ждали-ждали, дожждаться не могли. А иной раз и он сердился, правда не на Катку.

— Может, она чуть по-
дальше отлетела. В последнее
время она все чаще далеко
отлетает, потому что наш со-
сед купил мотоцикл и вот
стрекочет во дворе. Завел бы
мотор, рванул бы враз, гля-
дишь, и Катка бы не пуга-
лась. А он знай стрекочет да
стрекочет, я даже как-то ска-
зала ему: «Чего вы нашу
ворону стращаете?»

Но кто знает, может, и
Йожко был не совсем прав.
Сосед-то вовсе не хотел пуг-
ать Катку. Он и девочкам
однажды сказал по секрету
через забор:

— Послушайте, детки, вы
думаете, я не знаю, что
Йожко на меня все время
жалуется? Мне ведь тоже
его ворона нравится. Только
я каждое утро на мотоцикле
на работу езжу. А ведь за-
вести мотоцикл надо? Во
дворе не завожу, выкачу на
улицу, разбегусь, а как на-
чнет стрекотать, я — рраз на
него и задаю стрекача. Толь-
ко меня и видели!

Но Йожко, наверное,
услышал, как сосед с де-
вочками разговаривал.

— Сосед говорит, что он
не стрекочет! Еще как стре-
кочет! Тррр да тррр! Ведь
прежде чем задать стрекача,

застрекотать надо. Вот и получается: мотоцикл — стрекочет, а ворона — стрекача задает. Но пропасть она не пропала. Не бойтесь!

И Йожко снова прикладывает руку ко рту. И снова начинает выкликивать:

— Катка! Катка! Катка!

И вдруг, откуда ни возьмись, ворона.

Йожко ловит ее на лету и спрашивает:

— Кому посадить ее на руку или на плечо? А ну-ка живой что-нибудь поесть принесите!

Ворона мотоцикла не очень боится. Если она ручная, никто обижать ее не станет, и она долго у вас проживет. Ворона к человеку легко привыкает. А зимой возле людей вороне и подавно нравится. Особенно и приручать ее не нужно. Только никогда не пугайте ее!

ЯИЧКО

Как-то раз, когда девочки гостили у Йожко, Веронка нашла во дворе под забором яичко и показала его Агатке. А та давай вокруг нее прыгать да ахать:

— Ах, какое яичко! Такого хорошенького яичка я еще сроду не видела. Веронка, дай мне, пожалуйста, его подержать, ну хоть на немножечко!

— Вот уж нет, пойду сначала покажу его Йожко или бабушке.

— Ну Веронка, прошу тебя, дай мне его на немножечко! Я хоть чуточку его подержу. И лучше никому ничего не говори. А скажешь, враз отберут у нас это миленькое яичко, мы даже поиграть с ним не успеем.

Веронка дала сестре подержать яичко. Да вот история: яичко до того Агатке понравилось, что она и отдавать его не захотела, подержать немножко и то не дала.

Девочки повздорили. Веронка грозилась, что пойдет и пожалуется. Но что-то уж больно долго собиралась: боялась, верно, что Агатка станет дразнить ее ябедой. А Агатка, должно быть, знала, чего Веронка боится, и потому не отдавала яичко. Даже заранее корчила рожи и ехидничала. И вдоба-

вок еще прыгала и вертела яичком перед самым сестриным носом:

— А наябедничаешь, будешь не только ябеда, а ябеда-корябеда, ябеда-корябеда!

Веронка все-таки не выдержала и побежала жаловаться. Во двор вышли Йожко, бабушка и даже родители девочек.

— Агат-а-а, где ты? — крикнул папа.

Агатка стояла у хлева. Йожко заторопился к ней:

— Агатка, где, где яичко?

Агатка понурила голову. Не знала, что и сказать.

— Йожко, не сердись на меня, пожалуйста, я показала яичко поросенку, а он его съел.

Видели бы вы, как опечалился Йожко! Ведь это же было не простое яичко. Йожко не так давно купил двух курочек-невеличек, и одна начала нестись. Снесла уже два яичка, а это было бы третье. Йожко собирал яички. Хотел, чтобы во дворе было много-много курочек-невеличек. Вы даже представить себе не можете, как опечалился Йожко!

— Йожко, ведь это яичко было такое ма-а-хонькое, — расплакалась Агатка. — И мне оно показалось таким миленьким. И поросенок глядел на меня такими миленькими глазками! И мне вдруг так захотелось дать ему это яичко. Только бы не сердился за то, что я совала ему тогда в пяточок палочку.

— Но это ж не простое яичко, Агатка! Снесла его курочка-невеличка! Поэтому и было оно такое ма-а-хонькое.

— Йожко, так я же ведь не хотела отдавать его поросенку насовсем. Я просунула в лаз руку, положила яичко в корытце и вдруг — рраз! Что-то хрупнуло, и яичка как не было. Поросянок взял и съел его. Ничего, Йожко, я принесу тебе из дому другое яичко.

Тут и остальные давай Агатку отчитывать. Но, увидав, что она и без того ужасно пригорюнилась, примолкли и посоветовали ей отдать дяде Йожко вместо этого яичка обыкновенное куриное. Хотя сам-то Йожко говорил, что отдавать ему никакого яичка не надо.

— Нет, Йожко, я отдам, — уверяла его Агатка. — Не бой-

ся, Йожко, я всегда все отдаю. Только дома у нас нет курочек-невеличек. Но ты не сердись, пожалуйста! Я отдам тебе простое яичко, увидишь!

ДОМА

А дома, хоть мама и решила не ругать дочек, после ужина все-таки не выдержала и чуточку их пожурила:

— Надеюсь, девочки, вы последний раз такое себе позволяете. Разве можно быть такими озорницами? Если будете так шалить, никогда никуда не пойдете. Только и знаю, что краснею за вас.

И мама велела девочкам укладываться в постель. Хотя по вечерам всегда рассказывала им сказку, а если не она, так папа рассказывал. Но сегодня о сказке напрочь было забыто, а вспомнить дети не осмелились.

Веронка шепнула сестре:

— Видишь, Агатка, теперь нам с тобой засыпать без сказки приходится. Может, и я немного виновата. Не надо было сразу бежать жаловаться. И ты тоже хороша, зачем дала яичко поросенку? Не сердись на меня. Я уже не сержусь. Ничего, в конце недели опять поедем на автобусе к Йожко и отвезем ему обыкновенное яичко. А теперь давай спать, Агатка, мне уже немножко хочется.

— И мне, Веронка, хочется. Только я тебе скажу еще одну вещь. Знаешь, какой у поросеночка пяточок? Поэтому я и дала ему это яичко.

Обе потихоньку засыпали. Но вдруг Веронка подняла голову и спросила сестру:

— Агатка, а правда, яичко у поросенка в рыльце хрупнуло?

— Ага-а! Вдруг как хрупнет! Но мне, Веронка, уже очень спать хочется...

У БАБУШКИ — ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

А на другой день девочки стали теревить маму:

— Мам, а когда мы поедем яичко отдавать?

— Не волнуйтесь, обязательно отдадим. Поедем к бабушке в четверг. В четверг у нее день рождения. Я приду с работы пораньше. Может, даже ждать меня у Якубо вам не придется. Купим бабушке материи на блузку и поедем поздравим ее. Папа придет домой чуть позже, но ничего. Приедет к нам после.

Девочки едва дождались четверга. И наконец — вот он, четверг! Агатка рано утром попросила у мамы яйцо, даже два захотела. Но мама сказала ей:

— Ну зачем тебе, Агатка, два! Ты же знаешь, у Йошко достаточно кур. Ему от нас и одного-то не нужно. Он просто потому на тебя рассердился, что яичко снесла курочка-невеличка. И раз ты обещала ему вернуть яичко, слово надо сдерживать.

Мама дала ей яйцо и сказала:

— Только оставь его у Якубо. Не то еще разобьешь в садике.

— А можно нам отпроситься немножко пораньше? — спросила Веронка. — Напиши записку, что мы должны ехать к бабушке, потому что у нее день рождения. Нам тогда не надо будет спать в садике после обеда.

— Но ведь я не смогу приехать сразу же после обеда. Вы еще и поспать успеете, и даже пополдничать. После полдника пойдете с Якубом домой, а я вас буду ждать у тети Фиаловой.

Девочки успокоились и сделали так, как велела мама. Оставили яйцо у тети Фиаловой и пошли в садик. А вот после полдника пришлось им немного задержаться в садике: Якубо возился да возился. А принялись девочки его торопить, он и вовсе стал канитель разводить. Ни хлеба никак не мог разжевать, ни ботинки быстро зашнуровать.

— Якубо, пожалуйста, побыстрей, а то нам надо будет тебя дожидаться, — подгоняла его Агатка. — Наша мама уже у вас. Мы хотим ехать к бабушке, поздравить ее с днем рождения. И яичко отвезти.

Но Якубко словно все делал назло девочкам. Пускай, мол, вас ждут, а вы меня ждите! Я и не подумаю спешить.

— Якубко, ну пожалуйста, пойдем,— просила его и Веронка.— Давай побыстрей. Хочешь, мы поможем тебе зашнуровать ботинки?

— Вот еще, торопиться! И ботинки буду долго зашнуровывать. А потом еще посижу тут или во дворе поиграю. Сегодня я хочу уйти из сада последним.

— Тогда мы ждать тебя не будем.

Девочки ушли, но тут же воротились. Не хотелось идти без Якубко. А тот, хоть и дал себя с трудом уговорить, сделал это совсем не для того, чтоб торопиться. Нарочно всю дорогу еле-еле тащился, повсюду останавливался. Девочки то и дело ссорились с ним.

Но и это еще полбеды. Самое худшее, что у Якуба никого дома не оказалось. Дверь была заперта. Якубко-то знал, конечно, где ключ, но дело было не в этом. Он сразу же почувствовал себя на коне. Даже поднял девочек на смех:

— Ну вот, видите! Нечего было вам торопиться! Говорили, мама ждет. А где она, мама? Наверно, она вас и не ждала вовсе. Наша-то мама пошла в магазин. И обязательно скоро придет. А где ваша мама — сами думайте. Мне что!

Агатка тотчас рассердилась:

— Видишь, какой ты, Якубко! Значит, наша мама уже ушла от вас. Наверно, к Йошко поехала. Это ты во всем виноват. Отдай наше яичко! Веронка, бежим!

БЕГОМ НА АВТОБУСНУЮ ОСТАНОВКУ...

И девочки — бегом на автобусную остановку. Думали, там мама. А по дороге и в магазины на всякий случай заглядывали. Мама ведь говорила, что хочет купить бабушке на блузку... Но мамы — ни в магазинах, ни на остановке. Девочки встретили на остановке одного знакомого дядю, но и он сказал, что их мамы нигде сегодня не видел.

— Ну вот! — вздохнула Агатка.— Только зря яйцо взяла.

Что мне теперь с ним делать? Йожко подумает, что я отдавать не хочу. И бабушка обидится, что мы не приехали поздравить ее.

— Агатка, а вдруг мамы еще не было у Якубко? — засомневалась Веронка. — Может, она на работе задержалась. Вот мы с ней и разминулись.

— Она же сказала, что приедет раньше! — возразила Агатка. — Она собиралась приехать раньше обычного. А если бы задержалась на работе подольше, приехала бы домой следующим автобусом. А мы уже сколько автобусов видели? И вот только что прошел один. Значит, где наша мама? Наверняка у бабушки. Может, и папа уже там.

— Пойдем, Агатка, домой, поглядим!

— Нет, я домой не пойду. Я хочу отдать яичко. Если не отдам, Йожко рассердится.

— Ну что ты, Агатка, он не рассердится. Если мама туда поехала, она ему наверняка скажет, что мы были в саду. А яичко, скажет, взять она не могла, потому что оно было у тети Фиаловой, в буфете.

Тем временем подошел еще один автобус.

— Ну, что вы там не поделили? — спросил девочек водитель.

— Дяденька, мы хотим, чтобы вы нас отвезли.

— Отвез? А куда?

— К Йожко.

— К какому Йожко? Никакого Йожко я не знаю.

— Нет, дяденька, знаете. Он всегда на автобусе ездит. И дома у него полно всяких зверюшек. И курочки-невелички.

— Ой-е-ей! Йожко, Йожко — скольких же я знаю! Только вот вашего Йожко не знаю, хотя, может, и вожу его каждый день на автобусе. Да если бы и знал, вам-то от этого мало проку, я ведь как въеду на пригорок, так сразу на первом же повороте и сверну.

— Довезите нас хотя бы до пригорка. Оттуда мы сами попадем, куда надо.

— Ну валяйте, прыгайте. Выкладывайте каждая по кронке, а я вам дам по билету.

Агатка впрыгнула в автобус. Веронка попыталась ее удержать, но даже за пальто ухватить не успела.

Но стоило водителю заикнуться о кронке и о билете, как Агатка испугалась.

— Дяденька, а кроны у нас нету. У нас только яичко.

— Яичко? Какое яичко? Я что, по-вашему, пассажиров за яичко вожу? Вы разве зайцем собираетесь ехать? За яичко билета не даю. А впрочем, знаете что, дайте каждая по яичку, и я вам одолжу две кронки.

— Дяденька, но у нас только одно яичко. И дать его вам не можем.

— Как так одно? Что это такое? Что ж мне везти вас задаром? Задаром возить мне не положено. Неужто мне за каждого, кто едет к какому-то Йожко и везет ему яичко или бог знает что — чего только дети не возят! — платить из своего кармана?

— Дяденька, у нас только одно яичко. И оно нам самим нужно.

— Одно, одно! Яичко одно, а билеты вам подавай? Не выйдет! Мне всыпят за это.

— Дяденька, а если мы должны отдать это яичко нашему Йожко?

— Так каждый может сказать. Я вашего Йожко не знаю. Если у вас нет денег, пусть Йожко подождет. Отвезете ему яичко в другой раз. Да я все равно сворачиваю. Одним словом... А сколько вам лет? Вы в каком классе?

— Мы еще в детском саду.

— В детском саду? Ах вон оно что! Тогда дело другое! Если вы детсадовские, тогда вообще разговор другой. Детсадовских я могу возить и задаром. Только я ведь сейчас сверну в сторону. Сами-то найдете дорогу к вашему Йожко?

— Не бойтесь, дяденька! Мы знаем дорогу. Мы там много раз были.

— Ну раз были, значит, все в порядке. Поехали! Полный вперед! А детсадовских я люблю. Как завижу детсадовского, враз говорю: садись, мол, подвезу! А сколько всяких яичек детсадовские мальчики и девочки мне давали! Только зачем

они мне? Детсадовских я и задаром вожу. Бум-бум-бим! Вот мы и летим! Держитесь хорошенько!

Вышли девочки на пригорке. Пригорок тоже теперь относился к городу. Здесь были дома. Много домов. Целая улица. Когда-то это была самая обыкновенная деревня, но постепенно она срасталась с городом.

Однако Веронкина и Агаткина бабушка жила в другой деревне. Автобус туда не ходил. Он сворачивал в сторону. Правда, до бабушкиной деревни было недалеко. Туда и пешком нетрудно дойти. Тем более теперь, когда половина пути уже позади.

Куда хуже было другое: из-за леса наползали тучи. И Веронка все время корила Агатку за то, что они не остались в городе. Даже и сейчас еще не поздно было сбежать с пригорка вниз и подождать маму на площади.

— Мы уже ждали ее. Увидишь, она будет у бабушки,— сказала Агата.

— А если не будет? Вымокнем только по дороге, и все. Что, если дождь пойдет?

— Не бойся, не вымокнем. А если немножко и вымокнем, у бабушки обсушимся. Из таких серых тучек, наверно, и дождя не бывает.

— А мне кажется, уже накрапывает,— возразила Веронка.

— А по-моему, начинают падать снежинки. Вот здорово, если бы снежок. Мы ведь так мало катались зимой на санках.

— Не вижу никаких снежинок. Да снег и не может идти, ведь уже цвели подснежники, а одна тетя продавала вчера на рынке даже фиалки.

— Тогда пойдем с мамой в воскресенье собирать фиалки. А сейчас, Веронка, мы поздравим бабушку и отдадим Йожко яичко. Или давай попросим его дать нам это яичко еще на немножко. Мы тогда сможем поднести бабушке яичко ко дню рождения. И еще от тебя и от меня по стишку. А в воскресенье опять пойдем к бабушке. Может, и фиалки по дороге найдем. Или с мамой пойдем за фиалками.

Веронка с Агаткой шли вдоль домов и заглядывали в окна. Интересно, как у кого в комнате! Но повсюду были занавески. И некоторые такие красивые!

Вдруг Агатка остановилась, заглядевшись в одно окно:
— Веронка, смотри, тут телевизор работает. И никто, похожему, его не смотрит.

Обе девочки прилипли к окну. Агатка захихикала:

— Вот смехота! Смотри, Веронка, показывают «Клуб веселых и находчивых». А вон Иван Крайчек. Гляди, какие он рожи корчит.

— Не-е. Это что-то другое. «Клуб веселых и находчивых» в это время не показывают.

— Показывают! Видишь же, что показывают. Может, показывали раньше, а теперь просто повторяют. Хи-хи-хи, вон он опять скорчил рожу. Жалко, что ничего не слышно.

— Агатка, пошли! Побыстрее надо. Или давай воротимся.

— Воротимся? Вот чудила! — Агатка встала на цыпочки, подняла руку и показала яйцо. — А яичко у меня здесь для чего?

ОНИ ПОШЛИ ДАЛЬШЕ...

Они пошли дальше. И даже не заметили, как стало потихоньку смеркаться. Подошли к перекрестку: а теперь по какой дороге идти? Никак не могли толковать. Веронка хотела идти прямо, а Агатка уверяла, что надо свернуть.

— Не помнишь, что ли? Когда идем к бабушке, мы всегда здесь сворачиваем.

— Нет, не сворачиваем, ни разу не сворачивали. Мы здесь всегда только на автобусе проезжали. А когда ходили пешком, сворачивали в другом месте. И если пешком, всегда ходим по проселку. Шоссе мы всегда только переходим. Сперва переходим пригорки, потом немножко идем по шоссе, ну а за шоссе опять начинаются пригорки.

— Значит, надо было идти через пригорки. Ты чего со мной споришь? Давай сейчас свернем, пройдем немножко по шоссе, а подойдем к какому-нибудь пригорку, опять свернем.

Наконец девочки выбрали такую дорогу, чтоб одной не

пришлось уступать другой. И обе остались довольны. Да вот история: действительно пошел снег. Поначалу Веронке с Агаткой это нравилось. Но снег шел все гуще и гуще. Даже ветер стал подувать... Им, правда, это нравилось.

— Видишь, Веронка, а ты говорила, дождь пойдет! И что на рынке уже продавали фиалки. Вот бы поглядеть на твои фиалки!

А снегу все больше и больше. Валит да валит.

— Жалко, санки не взяли,— сказала Веронка.— А то могли бы везти друг дружку. То ты меня, то я тебя.

— Если навалит много снегу, возьмем санки у кого-нибудь и у бабушки покатаемся. Йожко раздобудет где-нибудь для нас санки.

Но снег стал превращаться в дождь. И девочкам показалось, что идут они слишком долго. А вдруг они спутали дорогу?

— Нет, Веронка, это та самая дорога, по которой мы всегда ходим к бабушке. Сперва всегда бывает пригорок. Потом другой и еще один, а потом уж та дорога. А сейчас нам надо пойти по тропинке. Отсюда по тропинке совсем немножко.

И девочки, снова свернув, пошли по тропинке, держась за руки.

Тем временем уже почти совсем стемнело. Вдруг обе почему-то испугались, но ни одна не хотела в этом признаться. Агатка подала голос первая:

— Веронка, мне холодно. Я вся мокрая. Веро-о-нка, яичко в кармане лопнуло!

— Как так лопнуло? — Веронке стало ужасно жалко яичка. Она пожалела яичко, пожалела, а потом сказала: — И мне холодно. Но мы скоро-скоро придем. Только что мы теперь дадим Йожко?

— Не знаю, Веронка. Я забоялась чуть-чуть, потому и яичко крепко сжала. Вот оно и треснуло. А теперь я вся буду грязная! — Она показала руку, перепачканную в яйце. — Наверно, у меня и пальто грязное.

— Покажи, я очищу.

Агатка вдруг расплакалась.

— Не очистишь, Веронка. Не надо чистить. И рука у меня от яичка зябнет.

— Выкинь его!

— Как так? А что мы Йожко отдадим?

— Выкинь его, а то я дальше с тобой не пойду.

Девочки стали дергать друг дружку, бороться, но яйцо в конце концов выкинули. Обе, конечно, успели перепачкаться. Потом очищались мокрым снегом. Агатка плакала. Руки зябли все больше.

Тут и Веронка вдруг в слезы:

— Думаешь, у меня руки не зябнут? У меня тоже зябнут. И я тоже боюсь. Агатка, бежим!

Девочки побежали. Но пробежали немножко. Агатка вдруг снова остановилась и зашлась в ужасном реве.

— Веро-о-нка, мы, наверно, заблудились. И во всем ты виновата, я хотела идти другой дорогой.

— Это я хотела другой,— плачет Веронка.— Теперь все на меня сваливаешь. Надо было подождать маму. Все равно ты виновата. Если бы ты не дала это невеличкино яичко поросенку, мы бы теперь не заблудились.

Наконец они перестали ссориться. Даже плакать громко боялись. Уже плакали тихонько, но потом Агатка не выдержала и снова в рев. Веронка за ней. И обе закричали не своим голосом:

— Мама! Маму-у-у-сенька! Па-а-пка-а!

РОДИТЕЛИ ВЕРНУЛИСЬ С РАБОТЫ

Часто получается не так, как хочется. Вот и маме не удалось вернуться с работы пораньше. Вдобавок она еще опоздала на автобус, ведь маме хотелось купить ткань бабушке на блузку. Она поспешила в магазин сразу же после работы, а когда подошла к остановке, автобус уже ушел.

Мама подождала следующего. А с автобуса — прямо к Фиаловым. Удивилась, не найдя там девочек. А когда оказалось, что ни Якубкины родители, ни сам Якубко не знают, где девочки, мама и вовсе всполошилась.

Она пыталась что-то вытянуть из Якубко, но он в ответ только мямлил. Дядя Фиала даже накричал на мальчика:

— Ты почему не отвечаешь как следует? Ты же был с ними в детском саду. Куда вы оттуда пошли?

— Ну к нам. Только я чуточку завозился, и они на меня рассердились.

— А потом куда они пошли? — Дядя Фиала так и тянул его за язык.

— Не знаю, — отвечал Якубко. — Они взяли яйцо и ушли. Мама побежала к дяде Штецко. Но и он ничего не мог ей сказать.

— Неужели они отправились к бабушке без меня? — заметалась в беспокойстве мама. — Кто знает, что им в голову взбрело. Надо быстрее бежать туда, искать их.

И мама — назад к Фиаловым. А там уже Веронкин и Агаткин папа дожидался. Якубко — тот совсем приуныл. Теперь и его грызла совесть, что он поссорился с девочками и не задержал их.

— Не вешайте нос! Не подымайте сразу панику! — сказал дядя Фиала. — Я беру машину и едем.

Собрался было с ними и Якуб, но дядя Фиала сказал ему:

— Оставайся-ка ты дома. Разве не видишь, что все на тебя сердятся. Не рассорились бы, не было б с вами никакой мороки.

Но Якубко не сразу пошел на попятный. Он еще разок всунул голову в машину и сказал:

— Пап, если меня не хотите, возьмите хотя бы Бобчо.

— Бобчо, сюда! — Дядя Фиала махнул рукой, хотя Бобчо и без того впрыгнул бы в машину.

БОБЧО

Веронка с Агаткой вымокли до нитки. Они шли-шли и все время громко плакали. Пробовали даже назад повернуть, но и это не помогло. Кто знает, может, они опять спутали дорогу.

Ведь дороги-то не было видно. Повсюду одна слякоть да грязь.

— Веронка, мы совсем заблудились,— хныкала Агатка.— Может, мы даже никуда не придем. Потому что, когда мы ходили с папой или мамой, мы всегда по обеим сторонам дороги видели деревушки. А вечером в них всегда горели такие маленькие огоньки.

А Веронка лишь обняла сестру и снова расплакалась:

— Ма-а-мочка-а! Ма-а-мочка-а!

И вдруг что-то заюлило, запрыгало вокруг девочек. Веронка ни жива ни мертва от страха. А Агатка нагнулась да как закричит:

— Веронка, это же Бобчо! Бобинко, Бобинко, золотой ты мой!

А Бобчо прыгает вокруг них—сам не свой от радости.

Тут уж и Веронка смеется:

— Агатка, слышишь гудки? И кто-то кричит нам! Это же мама, Агатка! Это наша мама!

— Я тоже слышу. Нам кричат. И гудки слышу. Это нам дядя Фиала гудит. Поэтому и Бобчо здесь. Наверно, его Якубко к нам послал. Пошли следом за Бобчо!

А ВОТ И ЯИЦО

Наконец девочки снова с родителями. И папа с мамой даже не ругают их, знай все беспокоятся:

— Вы же совсем, совсем мокрые! И что вам только в голову взбрело! Почему вы нас не подождали? А вдруг теперь простудитесь? Заболеете?

— Мы хотели подождать. Только дяди Фиалы не было дома. И тети Фиаловой тоже. Якубко сказал, что она ушла в магазин. А с Якубко мы поссорились.

Дядя Фиала вез девочек в машине и говорил:

— Только не охать! Бобчо вон тоже мокрый. Поглядите, как он к вам прижимается. А он вовсе не охает. Якуба я уже пробрал как следует, теперь и вам надо головной устроить. Были бы послушнее, и забот никаких. А так мы даже не сы-

грали с вами в «огонек», из-за вас нынче вообще «огонька» не было. Ладно, полный порядок! Нос кверху держать! Ого! А вот и яйцо! Раз про это яйцо было столько разговоров, я на всякий случай прихватил еще одно. И яйцо отдадите своему Йожко, и бабушку поздравите, а я пока подтоплю в машине как следует, не то еще простудитесь...

ЮРЧИКУ ПРИВЕТ ОТ ЮРЧИКА!

(СКАЗКА ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ И БОЛЬШИХ)

ЛАСТОЧКИ

Каждый год по весне прилетали ласточки. И сразу все кругом заливалось щебетом. Веселел и дом и двор. А мы тотчас бегом к соседям — похвастаться:

— У нас уже ласточки! Пойдемте к нам поглядеть!

— А вы думаете, у нас их нету? — хвастались и соседи. — Вон смотрите, они и у нас! Нынче прилетели чуть свет и враз взялись за работу.

Ласточки ужас какие усердные. Вот взмывает одна, за ней следом другая, они забирают все выше и выше, а то опускаются совсем низехонько, бьют крылышками над землей и, ежели не грозит им никакая опасность, присаживаются на миг, но тут же снова — порх — и весело летят назад, неся в клювиках глину.

На что им глина? Ну-ка, дети, отгадайте! Да полно, надо ли гадать! Вы и так это знаете. Из глины они себе гнездо вылепят. Сперва одно, затем второе, а там, глядишь, и третье. И при этом все щебечут, судят да рядят:

— Три иль четыре? Три иль четыре? Четыре иль три? Сколько гнезд мы себе выстроим?

— Четыре выстроим!

— А зачем четыре?

— Зачем четыре? А нас разве мало? Да нас еще и прибавится! Вот потом и не надо будет в гнездах тесниться.

И вправду, слепили ласточки четыре гнезда, даже стали носить глину на пятое, да пятое уж не достроили — не понадобилось. И строить-то они его начали, видать, просто ради потехи или шалости, потому что ласточки иной раз бывают куда как шаловливы. Перемолвятся о том о сем, а потом летают, шныряют, дурачатся, судачат, щебечут, вышучивают друг друга, а между тем и не забывают усердно трудиться! Раз, два, и все дела: гнездо готово! А не построить ли еще одно, лишнее?

— К будущему году! — скажут они себе. — Построим гнездо про запас! Глядишь, на будущий год оно нам и понадобится.

Ласточки, пожалуй, и впрямь так сказали. Наверняка сказали. Должно быть, посчитались с тем, что на будущий год у них птенец появится.

Птенец? Как так птенец? Э-эх, да ведь появился-то не один птенец, а целых четыре, а ласточки, верно, думали, что на будущий год и пятый, и шестой, и седьмой прибавятся. Кто знает, сколько их через год будет? А вдруг на будущий год глины не хватит? Или придется ее издалека таскать?

Вот почему ласточки так усердно трудились, вот почему и за пятое гнездо принялись, но, как уже сказано, пятое гнездо не достроили. То ли оно им и таким, недостроенным, приглянулось, то ли потому его не достроили, что времени уже не было.

И вправду времени не было. Вы спросите: почему? Почему, да? Да потому, что из тех четырех гнезд уже стали выглядывать птенчики. Они высовывали неоперенные головки и разевали голодные клювики.

Ох уж эти малютки ласточки! А вы, ребята, видели когда-нибудь маленьких ласточек? Наверняка видели. Ну конечно, видели. А как же иначе? Они понравились вам? Вы заметили, как они разевали клювики? А их родители знай летали, летали, пищу для них добывали. Ведь сколько же мушек надо птенцам принести!

Но едва птенцы оперились, им уже захотелось летать. Дома ну никак не сиделось: только бы из гнезда вон, только бы поскорей на волю. Всем-всем хотелось летать.

А родители знай остерегали их:

— Да куда вам! Вы и летать-то еще не умеете, и сил у вас маловато. Вылетите из гнезда, враз уморитесь, упадете на землю или просто не найдете дороги домой. А вдруг на земле кошка вас схватит?! Берегитесь кошки! Опасайтесь кошки! Помните все время о кошке, с оглядкой летайте!

Но в один прекрасный день птенцы все-таки выпорхнули из гнезда. Конечно, они успели подрасти, и крылья у них вполне окрепли, да и родители сперва не спускали с них глаз.

Да разве детей надолго удержишь? Шныряли они взад-вперед и восторженно перекликались:

— Ах, как чудесен этот мир! Так чудесен, так чудесен! А летать и вовсе чудо из чудес! Ах, как чудесен этот мир!

А потом и недостроенное гнездо им понравилось. А почему бы и нет? Ведь детям что угодно может понравиться. Нравится у себя дома, нравится и у соседей, нравится и недостроенное гнездо или недостроенный дом. Недостроенное-то ведь можно достроить, и, глядишь, немного иначе, а то и получше, чем хотят взрослые, а кое-что можно и не достроить — чтоб там для всего нашлось место, чтоб там было место для разных игр и всяких выдумок. Ведь из того, что недостроено, можно устроить и кухню, и горницу, красивую горницу, и комнату, настоящую комнату, даже парадную комнату для гостей. Вот именно. Из того, что еще не доделано, можно сделать все, что угодно.

А маленьким ласточкам только дай поиграть. Когда наблюдаешь за ними подольше, просто завидки берут, до чего интересно у них получается. Даже поучиться кой-чему можно.

— Что у нас здесь нынче будет? — слышится изо дня в день. — Достроим гнездо? Или еще подождем?

— Подождем. Достроим, когда время придет.

— Ну и ладно. А что нынче здесь будет? Горница, да?

— Опять одна горница? Устроим и кладовку!

— Зачем кладовку? Если устроим кладовку, придется устраивать и кухню.

— А почему нет? Пускай будет и кухня, здесь для всего места хватит. Пока гнездо не достроено, можем здесь устроить все, что угодно: кухню, горницу, чулан, кладовку, даже магазин и школу. И даже аптеку.

— Чудесно! А что, если нам сегодня и правда поиграть в доктора?

— Чудесно! В самом деле, чудесно! Сегодня здесь будет аптека. Кто болен? Кому прописать лекарство?

И так день за днем. Когда играть надоедает, малыши пускаются немного поразмять крылышки, а потом возвращаются, но иногда и задерживаются, потому что подольше хочется полетать.

А вечером слышно, как мама говорит им:

— Дети, спать! Где вы? Пора ужинать, а после ужина в пуховички!

— Мы уже ужинали! — весело щебечут малыши, прилетая назад в гнезда.

Должно быть, радуются, что уже сами могут раздобыть себе пищу.

— Вы правда не голодны? — еще раз спрашивает заботливая ласточкина мама.

А они знай посмеиваются:

— Мы досыта нынче наелись.

— Тогда умываться и живо в пуховички! Завтра опять будет день!

ВОРОБЬИ

Повсюду, где живут люди, живут и воробьи. И обычно близ людей им неплохо живется. Правда, надо заметить, соседство воробья не приводит человека в особый восторг, но воробей не очень-то обращает на это внимание и все равно держится возле человека, потому что воробей — птица общительная и человека любит.

Разумеется, где люди не бедствуют, там и воробей живет не тужит, а где человек горе мыкает, там и воробью несладко приходится, и уж тогда он становится и тихим и скромным, не шумит, не заносится, хотя обычно он очень болтлив и совсем не прочь поершиться.

Подчас воробей очень язвителен и сварлив. Случается, ни с того ни с сего разозлится и тогда готов все разнести, распушить, расклевать. Но, как гнев найдет, так и пройдет — смотришь, гнев уже сменился хихиканьем, потому что воробей птица смешливая, даже насмешливая. И это, пожалуй, самое главное воробьиное свойство.

Иные люди ворчат на воробьев: дармоеды, мол, они и жулики, но, пожалуй, не стоит относиться к ним с такой уж строгостью. Конечно, то и дело случается, что воробей утянет какое-никакое зернышко, а то и прямо из миски склевать не по-

брезгует, да что в этом особенного? Будто свет от этого перевернется! Это же в порядке вещей. Разве воробей не заслуживает ничтожного зернышка? Разве он не рядом с человеком весь год? Разве не веселит его? Разве не ему чирикает?

Умный человек на воробья не станет сердиться, да и, конечно, не сердится. Ведь воробей ест не только ржицу или крошки, которые хозяин синицам или курам бросает. Воробей ловит и уйму букашек. Правда, ловит. Попробуйте только почаще да повнимательней понаблюдать за ним!

И совсем он не жадный. Любит, правда, подрасться, но может быть и не драчливым, и даже добросердечным. Если кто утащит у него из-под клювика зернышко или козявочку, он, конечно, рассердится, но чтоб шум поднять из-за этого — никогда! Отыщет себе другое зернышко или другую козявочку, а то возьмет да и сам у кого-нибудь стащит.

Особенно к птенцам воробей добр, и не обязательно только к своим.

— Ты есть хочешь? На, ешь! Не щелкать же тебе от голода клювиком! А за меня не волнуйся! Уж чего-нибудь отыщу для себя!

Я, честное слово, не знаю, почему некоторые люди ворчат на воробьев.

ВОРОБЬИ И ЛАСТОЧКИ

Ходит молва, что воробьи с ласточками спокон веку ужиться не могут. Трудно утверждать, что это неправда, но все же нелады между ними не так велики, как некоторые люди думают. Скорей неуживчивость эта просто соседская. В самом деле, ведь и между людьми не всегда бывают наилучшие отношения. И между самыми добрыми соседями время от времени дело доходит до перепалки, и тогда, ой-е-ей, чего только не наговорают они друг дружке, а то и кулаками из-за забора грозятся. А воробей — мы уж сказали о том — обожает перепалку и подчас бранится просто со скуки, он ведь по природе своей говорун, вечно что-то обсудить, решить ему нужно.

А если вспомнить, что он еще и ужасный насмешник, так и вовсе нечему удивляться!

Однако ласточки тоже в карман за словом не лезут. Они знай над воробьями подтрунивают. И чаще всего — из-за гнезда. Воробей-то, известно, не очень о гнезде заботится. Положит крест-накрест несколько сухих стебельков, добавит к ним два-три перышка, и гнездо готово.

Для ласточек такое гнездо — смехота одна, оно и на гнездо-то совсем не похоже, они ухмыляются, отпускают всякие колкости по воробьиному адресу, а не то кричат воробьям:

— Как живете-можете, сосед? Что нового? Хорошо ли выпались нынче?

— Живу я хорошо и выпался — лучше некуда. А новостей никаких, понятия не имею, что нового.

— А где ж вы спали, сосед? Где вы, в общем-то, живете? И воробей враз смекает, откуда ветер дует.

— Где живу, там живу, — отвечает он недовольно, — дома живу. А где ж мне еще жить? Мы все дома живем.

— Дома? Дома, говорите? — не унимаются ласточки. — А где у вас дом? В самом деле, сосед, где ваш дом?

— Где, спрашиваете?! Есть у нас дом. А как же без дома? Дом у каждого есть. И у воробья тоже есть. А у меня даже четыре дома. У воробья повсюду дом.

— Хи-хи-хи! Ха-ха-ха! Повсюду, говорите? — смеются ласточки. — Но где? Где он? Скажите, сосед, где ваш дом?

— Перед трубой и за трубой.

— За какой еще трубой?

— За всякой. Вы разве не знаете, что такое труба? У воробья всюду дом. Где хочу, там я и дома. Везде найду дом. А вы тут, считай, всю весну со своим жалким гнездом канитесь, а осень придет, все равно из него умахнете.

— Хи-хи-хи! А вы ж куда денетесь, соседushка? Вы-то куда осенью? Поведайте! Зиму-то зимовать где будете?

— Ну, ясное дело, дома. Неужто мне теперь зимы бояться? Дурак я, что ли? Да вы за меня не волнуйтесь! Не полечу осенью за тридевять земель.

— Ха-ха-ха! Не полетит! А долетел бы? Вот в чем вопрос!

— А зачем мне лететь? Мне и тут хорошо. Вам, видать,

судачить нынче не о чем, вот и смеетесь, как глупенькие. Воробей тут дома что зимой, что летом, потому он и хозяин.

— Хи-хи-хи! А не могли б вы, сосед, показать нам дом, где вы хозяином?

— Показать? А на что? Я ж сказал вам: у воробья везде дом, он всюду дома. Зарубите это себе на носу и уж в другой раз не спрашивайте о том, что и так яснее ясного!

КАК ПТИЦЫ НАЗЫВАЮТ СЕБЯ

Конечно, птицы тоже дают себе имена, и обычно эти имена совсем другие, чем люди для них напридумывали. Но это не относится ко всем птицам, а тем паче к тем, что живут близ человека. В самом деле, некоторые птицы привыкают к именам, которые дают им люди, а впрочем, их и давать не надо, птицы просто подслушивают эти имена и начинают ими себя называть. Правда, коверкают эти имена до невозможности или выговаривают так быстро, что и разобрать их почти нельзя.

Очень часто ласточек зовут Штэфкой или Аничкой. Аничкой, пожалуй, даже чаще. Не ошибусь, если скажу, что каждую вторую ласточку так зовут.

Попутру то и дело слышно, как ласточкина мама говорит:

— Аничка! Штефка! Ах, их уже четыре! Вставайте! Вставать пора!

А в ином гнезде бывают и две, и даже все четыре Анички.

Воробьи, вы-то их уже знаете, вечно вышучивают ласточек:

— Чвири, чвири, Анча! Чвири, чвири, Аничка! Вставай, Анюта, доброе утро! Чвири, чвири, вставайте все четыре!

Да и Юличка среди ласточек не редкое имя. Правда, иногда Юличку называют Юлишкой. А в иных местах, ну, к примеру, под Братиславой, в Сенце или Бернолакове, величают ее Юльчой, что, пожалуй, грубовато звучит. Даже грубо! У меня ведь на такие вещи очень тонкий слух! Право, меня подчас сердит, когда молоденькой ласточке кричат: Юльча! Юльча!

В Чехии и Моравии ласточек обычно называют Элишкой и Иржиной.

— Иржина, Элишка, вставайте, уже светит солнышко! Так ласточкина мама будит своих деток в Чехии и Моравии.

А вот в Словакии ласточки не могут выговорить имя Иржина или выговаривают его неловко, с трудом.

Счастье еще, что Аничка тоже красивое имя, да и вообще много всяких других хороших имен. Ой-е-ей, сколько на свете хороших имен!

— Аничка, Марьенка, Юличка, вставайте! Гляньте, как ярко светит солнышко!

И воробьи дают себе имена. У некоторых столько имен, что подчас они и не знают, как их зовут. Но воробьям все — трын-трава. Иные меняют имя и по семь раз в году. А потом знай дивятся тому, хотя, по правде сказать, в этом нет решительно ничего удивительного. А может, дивятся лишь для того, чтоб покривляться? Кто знает? Чего на свете не бывает!

— А ты что тут делаешь? — бросает обычно воробей воробью. — Ты откуда тут взялся? До сих пор, кажись, я тебя тут не видел.

— Да и я тебя не видал.

— И ты меня не видал? Ну и ладно. А тебя как зовут?

— Так, как меня зовут.

— Правда?

— Сущая правда.

— Чудесно! Выходит, мы с тобой друзья-приятели! А как тебя зовут?

— Юрчик.

— Да ты что? Юрчик? А еще как?

— Юрчик и Юрчик. Зачем мне другое имя, раз зовут меня Юрчик?

— Хорошее имя! И меня так зовут.

— Правда? Так мы с тобой оба Юрчики! И брат у меня Юрчик.

— Чудеса в решете! И брат твой? Так кликни его, позови сюда.

— Позвать? А зачем?

— Он же Юрчик. Трем Юрчикам веселее, чем двум.

— И то сказать. Только где его теперь сыщешь? Давно его что-то не видно. Мне даже чудится, что брат имя сменил, вроде он как-то уже иначе зовется.

— А как, не знаешь?

— Не знаю.

— Да пускай как хочет себя называет, все равно он дурак. Раз я Юрчик, так Юрчик. Я всегда был и буду только Юрчик.

— Так ведь и я Юрчик.

— Красивое имя! В самом деле, красивое! Юр-чик, Юр-чик! Слышишь, как звучит?

— Конечно, слышу. Ведь и меня Юрчик зовут!

— Всего хорошего, Юрчик!

— И тебе всего хорошего! И передай привет Юрчику!

— Постой, я уж и не знаю, которого ты имеешь в виду. Которого Юрчика? Которому Юрчику привет передать?

— Юрчику, и все. Какая разница? Юрчик, он и есть Юрчик. Передай привет всем!

— А от кого? От Юрчика?

— Ага, от Юрчика. Юрчик, скажи всем Юрчикам, что я тоже Юрчик и что всем Юрчикам шлю горячий привет.

— Будь здоров, Юрчик! Обязательно передам всем Юрчикам привет.

Конечно, у воробьев есть и другие имена. Очень часто встречается, например, имя Теофил. Но воробьи его сокращают: «Фило!» Или кричат ему: «Тео!» Так они окликают Теофила.

— Тео, Тео, где живешь? — слышится нередко.

— А тебе какое дело?

— А разве спросить не могу? Ты ведь, Тео, переезжать собирался, оттого и спрашиваю.

— А я уже переехал.

— Да ты что! А куда, Тео? Со стрехи под стреху? Или с трубы на трубу?

— Из одного конца деревни в другой, чтоб не слышать таких дуралеев, как ты.

Иному может показаться, что воробьи ссорятся, что они даже обижают друг друга, но это вовсе не так. Они просто подзадоривают друг друга, на смех подымают. Шутят. Во-

робьи любят пошутить, и шутки их бывают позадиристей, чем ласточкины.

У некоторых воробьев есть и фамилии. И воробьи откликаются на них. Обычно это фамилия хозяина, у которого они живут, и она, конечно, до смешного исковеркана. Воробьи подчас коверкают ее нарочно, скорей всего, таким манером хотят и над своим хозяином подсмеяться.

Как-то раз слушал я их, слушал, а потом они начали и надо мною подтрунивать. Даже стали давать мне всякие прозвища, просто неохота их здесь поминать. Я не то что стыжусь этих прозвищ, а просто зачем их по всему свету разносить?

А вот один воробей прозывался точно, как я. Он частенько со мной заговаривал, и у нас всегда находилось о чем потолковать. А потом вдруг он из-за чего-то на меня рассердился и был таков. Съехал на другую квартиру. Ума не приложу, почему рассердился. А может, он и сам не знал почему. Во-

робьев подчас очень трудно понять. Пожаловал он ко мне только месяца через два и уже прозывался иначе. Поначалу вообще делал вид, что со мной не знаком.

— Ну как? — обращаюсь я к нему. — Ты почему изменил мне? Рассердился на меня, что ли? Или стыдно за меня стало?

— Какое стыдно! Просто нервы не выдержали. Целыми днями только и пишешь. Еще про меня какую глупость напишешь! А зачем это мне? Я люблю веселую жизнь, а с тобой тоска смертная. Терпеть не могу писателей. Целыми днями знай молчат, слова из них не вытянешь, а уж потом как пойдут болтать, рта раскрыть никому не дадут.

— Пожалуй, ты прав. Но я-то думал, мы с тобой понимаем друг друга.

— Что думаешь ты, не обязательно думать мне. Про воробьев ты все равно ничего толкового не напишешь. Не смыслишь ты в птицах. Люди только о себе думают. Ступай пройдишься как-нибудь и погляди, сколько деревьев они повыворчевали. А посадили сколько? Сам-то ты сколько посадил, скажи? Дружил я тут с зарянкой и крапивником, но улетели они, перекочевали куда-то, а вот куда — не знаю, теперь и навестить их нельзя. И снегиря уже редко-редко здесь вижу, а соловья в этом году, пожалуй, совсем не слышал. Ведь тут мало-помалу ни одного подходящего дерева не останется, уже и сейчас некоторым птицам негде гнездо свить, отдохнуть негде. Всюду разводят только виноградники, а я иной раз понапрасну ищу речушку или какой родничок — бывает, даже негде воды напиться. Хоть раз в жизни ты по-настоящему томился от жажды? А тебе бы надо знать, что это такое! Только соберусь склунуть с лозы виноградинку, а уж кто-то сразу орать: «Кыш, ворюшка, кыш!» А то еще духовое или охотничье ружье схватит: глядите, какое у меня ружье и какой я ловкий стрелок. Знаю я таких ловкачей! А иной еще форму наденет и вот нос задирает: я, мол, лесовик, зверолов! Лесовик, зверолов? Ну-ка, дружище, скажи, что ты для леса или для зверя сделал? А сколько всяких браконьеров и стрелков! Они только стрелять и умеют! Да ты-то знаешь небось, ходишь с ними на охоту, трубишь им в рожок, чтобы охота выглядела краше, а стрель-

ба звучала торжественней. А еще называешь себя писателем! О чем же ты пишешь? Раз ты писатель, так напиши что-нибудь путное. Напиши о том, о чем я тебе говорю.

— Напишу. А хочешь, и о тебе напишу. Как тебя теперь зовут?

— Брось глупости! Разве дело в имени? Всегда, когда меняю хозяина, меняю и имя. А нашелся бы хороший хозяин, так и имя не пришлось бы менять. Но дело не только во мне. Есть и другие птицы. Вот и профессор Шебо, ты же знаешь его, тоже просит тебя о птицах чего-нибудь написать. Да только чтоб не было, говорит, чересчур заумно, а то никто не станет читать. Есть и такая опасность. Пускай смешно будет. Вспомни меня или Шебо — сразу дело пойдет. Шебо умный воробей и не дурак посмеяться. Не забудь про него.

— Не забуду.

— Послушай! А может, написать тебе книжку для детей?

— Для детей? Думаешь, эта книжка может быть для детей?

— А почему нет? Для маленьких и больших. Для тех, кто уже умеет читать. Только смотри, не подведи! Дети любят веселые книжки.

— Постараюсь! Может, и напишу такую веселую.

— Поглядим. Интересно, какая книжка у тебя получится.

— А я уже пишу ее.

— Правда? Так поторопись, дружище. И впрямь интересно, какая книжка получится.

ШЕБО

В нашей деревне было много воробьев, и почти каждый второй прозывался Морáвчик. И это, конечно, потому, что много людей тоже так прозывалось. Но встречались у нас и другие, чужие имена: Витек, Шумихруст, Чилибулк, Мачай, Зéманович, Шебо.

Шебо был самый прославленный воробей, какого я когда-либо знал. Родом он был откуда-то с запада, кажется из Загорья, но долго задерживаться на одном месте не любил и

потому изрядно полетал по свету. И часто этим бахвалился, особенно если на него нападала охота поучить кого-нибудь уму-разуму.

Понятия не имею, как он попал к нам. Только заявился в один прекрасный день и сразу почувствовал себя дома. Сразу стал распоряжаться всем, всех одергивать, наставлять. И, считай, все воробьи всегда его внимательно слушали и охотно исполняли все его приказания. Молодые воробьи восхищались им и видели в нем достойный пример для подражания. Но старшие относились к нему с некоторой осторожностью. Особенно Мачай, Земанович и Чилибулк. Нельзя, конечно, сказать, что они враждовали с ним. У Шебо среди воробьев врагов не было. Они обычно выслушивали его, а потом над ним посмеивались. А приказывал что-нибудь, приказание его исполняли, но обыкновенно только шутки ради.

Шебо был воробушек хоть куда. Кто не знает толку в птицах, запросто мог бы спутать его с большим серым дроздом-дерябой. Хотя кто ж не знает воробья? Воробья каждый знает. А кто не знает, тот и дрозда не признает, тем паче дрозда-дерябу. Но, как я уже сказал, Шебо был внушительным воробьем. А проказник — слов нету! Невозможный проказник! Разных шалостей водилось за ним — и не счесть! Затеется, бывало, какая перебранка, Шебо надуется, минуту-другую слушает внимательно, а как решит, что пора кончать вздорить, тотчас вмешивается:

— Ну чего! Ну чего!

Иной мог бы подумать, что профессор и сказать ничего дельного не умеет. Однако он и раскричаться был мастер, да еще как! А иногда нарочно обронит слово и помолчит, чтобы всем было ясно, что каждое его слово — на вес золота:

— Что там такое? Кто это там горло дерет? Доколе мне это слушать?

И сразу воцарялась тишина.

А уж как начнет куролесить — ну беда! Вот бы вам послушать! У всех воробьев животики от смеха едва не лопались. А сам Шебо напускал на себя серьезность, вроде бы даже спокойствие, казалось, будто ему вообще говорить неохота. Но стоило ему обронить слово, другое, воробьи опять прыскали с

хохоту. А то как пойдет откалывать шутку за шуткой, все вокруг так и просят-молят пощады. Ведь тут и задохнуться от смеха недолго.

Но случилось, и он смеялся. Ни с того ни с сего на него вдруг напал такой смех, что он и сам не мог с собой совладать, смеялся, хохотал прямо-таки до колик, да еще при этом стонал, хрипел, кричал, плакал, охал и ахал, айкал и ойкал:

— Хи-хи-хи-хи, ха-ха-ха-ха! Ой-е-е-ей, помоги-и-те, хи-хи-хи-хи! Я уж, ха-ха-ха-ха, задыха-ха-ха... хи-хи!.. Зады-ха-ха-юсь у-уже, ох-ха-ха-ух-ха-ха! Побейте меня, ха-ха-ха! По спине поко-ко-лотите, по-по спи-пи-не! Задыха-ха-ха-юсь, хи-ха-ха-ха! Хи-хи-хи, ха-ха-ха-ух-ха-ха, ха, ой-е-ей! Тьфу-у ты, хи-ха-ха-ха! Ох-ха-ха, хо-хо-хорошенько меня поко-ко-лотите!

Шебо, конечно, колотили, лупили, да все попусту — ничего не помогало. Он хохотал до упаду. Ох уж и задавал воробьям работу! Брюшко у Шебо тряслось, он кидался туда-сюда, хлопал крыльями, то задира лкв кверху, то злобно щелкал им вокруг себя, и воробьи, что пытались привести его в чувство, так и шарахались в сторону, чтобы он их, чего доброго, крыльями или клювом не покалечил. То был ужасный смех! А смех и правда подчас бывает ужасен. Ведь иному человеку стоит почесать пятку, как он уже сходит с ума от смеха. А воробей иногда еще больше боится щекотки, чем человек. Шебо порой даже бился о землю, потому что у него чесались и ноги, и горло, и легкие, ну а брюшко — ребята, я даже не знаю, что у Шебо было в этом брюшке! Все воробьи колотили его. А что делать? Ведь иначе бы Шебо наверняка задохнулся. Честное слово, его порой так колотили, что страшный этот смех не мог не пройти. Смех и впрямь проходил. Да и как ему не пройти, когда тебя так дерут, клюют и таскают? Мне и то было бы не до смеха. Да, Шебо нередко сполна получал. Как следует брали его в оборот. По первое число ему доставалось. Вот уж было потом на что дуть: у него все тело болело. Бывало, Шебо даже сердился:

— Дурики вы Юрики! Убить меня хотите? С ума вы сошли, что ли? Вы чего? Куда это годится — к профессору так относиться?

А как одернет их Шебо — значит, опять все в порядке, зна-

чит, Шебо уже опять профессор, к которому надо относиться с почтением. Трудно, конечно, сказать точно, был ли Шебо на самом деле профессором. Может, и был. Не знаю. Во всяком случае, он часто так себя величал. А в конце концов, почему бы и нет? Почему воробьи не могут иметь своего профессора?

О ТОМ, КАК ШЕБО НЕ ХОТЕЛОСЬ ЛЕТАТЬ

Шебо был невыносимый проказник. Чего только он не выкидывал! Сколько шуток, сколько разных шалостей водилось за ним! Не раз подвергался он и опасности, но всегда выходил из нее победителем.

Среди воробьев встречаются всякие плуты и проказники, но с Шебо вряд ли кто мог сравниться.

То был поистине смелый и стреляный воробей. Нередко проказничал он просто так, потехи ради, чтоб самому позабавиться, да и остальных воробьев распотешить.

Однажды Шебо решил, что больше не будет летать. Налетался, мол, и хватит, больше не хочется.

И тут же всем объявил:

— Дорогие друзья, не знаю, как вы, но я с нынешнего дня решил поберечь свои крылья. Вот увидите, каким я заделаюсь барином. Крылышками буду лишь туда-сюда помахивать, станет чересчур жарко, буду себя обдувать, крылышком ветерок подымать.

— А летать кто за тебя станет? — смеялись над ним воробьи. — Будешь только скакать да подскакивать? Только по земле будешь прыгать?

— Чего мне скакать, чего прыгать! — не сдавался Шебо. — Вы, поди, думаете, я свои ноги в лотерее выиграл? Они мне дороги не меньше, чем крылья, хотя и крылья я в лотерее не выиграл, вот потому-то хочу их поберечь.

— Уж не собираешься ли ты целыми днями только на крыше или на дереве рассиживаться? — не унимались воробьи. — Сидеть и ждать, пока муха сама к тебе прилетит? Или воображаешь, тебе кто-то прислуживать станет?

— Меня носить будут, — ответил Шебо.

— Вот оно что! Носить будут? — удивился Чилибулк, уже немолодой воробей, примерно тех же лет, что и Шебо. — Как это носить будут? Кто тебя носить будет? Поделись с нами, посоветуй! Если ты до чего-то путного додумался, может, оно и нам пригодится.

— Поделись с нами, дай и нам добрый совет! — наседали на Шебо и остальные воробьи. — Как тебя будут носить? Кто будет носить? Скажи, скажи нам!

— Сейчас увидите! — засмеялся Шебо.

И сразу — порх! Отлетел. А тут как раз кооператорский¹ пастух шел мимо — коров гнал. Шебо полетал, полетал над стадом, да и уселся как ни в чем не бывало на спину к одной коровенке. Сидит себе, покачивается из стороны в сторону и весело чирикает.

— Ну видите? — бахвалится он. — У кого есть голова, у того и в голове не пусто, иной воробей умеет своим умом пораскинуть. Умный воробей ловок на любом транспорте прокатиться, а крылья и ноги побережь до худших времен.

Остальные воробьи, конечно, давай ему завидовать. А какие и вовсе не пожелали ему уступать — зашныряли, засновали над стадом и, глядишь, правда пристроились бы к Шебо, если б корова, на которой он сидел, не взъярилась. Вдруг — хлесть! Махнула хвостом, и оглоушенный Шебо чуть было не грянулся наземь, где коровы стерли бы его в порошок. К счастью, он тут же опомнился и в последний миг каким-то чудом вспорхнул. Однако хватило его, чтоб пролететь только метра два-три, не больше. Шебо примостился на кусте, посидел, нахохлившись, огляделся, а увидев, что воробьи смеются над ним, и сам рассмеялся. И, помахивая головой, сказал:

— С ума сойти! Ох и шлепнула, чертовка, меня! Такого со мной давненько не приключалось!

Шебо перелетел с куста на плетень, с плетня на другой куст и, хотя ему было совсем не до смеху, смеялся до слез. Конечно, лучше бы куда-нибудь спрятаться, но Шебо боялся, что воробьи тогда и вовсе его засмеют, и потому сам смеялся, даже напевать стал. Раскачивался на ветке и пел, пел, пел, словно выпало на его долю невесть какое счастье.

¹ Кооперативы в Чехословакии соответствуют колхозам в нашей стране.

КАК ШЕБО ПРОГЛОТИЛ ЧЕРЕШНЕВУЮ КОСТОЧКУ

А иной раз Шебо бахвалился, что съел целую черешину. И была это, дескать, большая черешина — сердечком.

— Ей-ей, проглотил я ее за милую душу, — рассказывал он. — На меня только все глаза таращили.

— И враз? В один раз проглотил? — спросил Мачай.

— Почему в один раз? А может, и в один. — Шебо старался неопределенно высказываться. — Считай, что это было в один раз. В самом деле, проглотил ее враз. А хоть и в два раза. Главное, что я съел ее и что это была черешина-сердечко.

— И что в этом особенного? — усмехнулся Чилибулк. — Хочешь, я съем и четыре сердечка.

А Шебо на это:

— Думаешь? Хотел бы я на тебя посмотреть.

— Принеси и увидишь, — ответил Чилибулк.

— Но ведь я съел ее вместе с косточкой,— не уставал похваться Шебо.— Ам! И косточки как не было.

— Не верьте ему. Это неправда,— сказал Чилибулк.

Воробьи спорили, спорили, и вдруг, откуда ни возьмись, перед ними черешина-сердечко.

— Хотели черешину, вот и получайте ее,— сказал воробей, что принес черешину.— Ну, Шебо, покажи себя! Докажи-ка, что нас не обманывал!

— Ешь! Ешь, не робей! — Все воробьи стали его подзадоривать да подбадривать.— Покажи нам, как ты проглотить черешину, да еще вместе с косточкой.

— Погодите, не спешите! — Шебо чуть-чуть испугался. Черешина показалась ему чересчур большой. А опозориться ему не хотелось.— И не приставайте ко мне с этой черешинкой. Я ведь только что сытно поел. В самом деле, только что. Не могу же я ее сейчас за один раз проглотить.

— Ну так за два раза. Или за три, да хоть за четыре. Главное-то косточка. Интересно, как ты с ней справишься.

Что было делать? Пришлось Шебо взяться за черешину. Обклевал он, что можно было обклевать, а вот косточку перекатывал в клюве из стороны в сторону, да что толку?

— Ну как? — торопили его приятели.— Покажи нам, какой ты герой!

— Не кричите! Мне ведь отдохнуть надо,— сердился Шебо.

А воробьи знай свое! Разозлился Шебо и — рраз! Ключнул косточку, да вот незадача: застряла косточка в горле и ни туда, ни сюда. Шебо задыхается, а воробьям и невдомек, что с ним творится. Иные уж хотели было выразить Шебо свое восхищение, но, заметив, как он чудно и непонятно ведет себя, стали над ним потешаться. Не сразу воробьи поняли, что их профессору совсем худо. Того и гляди, ножки протянет. Но вот уже они засуетились, захлопотали, только помочь как — не знали. И Шебо наверняка задохнулся бы, не подоспей ему на помощь ласточки.

Хотя ласточки и не всегда живут с воробьями в ладу, но если беда, о помощи их не надо особо просить. Вот и сейчас такая же история. Как заметили среди воробьев суматоху, сра-

зу к ним. Замешались между воробьями и ну выпрашивать участливо:

— Чего, чего? Чего, чего? Чего с ним приключилось?

— Задыхается.

— Задыхается? А чего случилось? Отчего задыхается?

— Косточка в горле застряла.

И ласточки тотчас смекнули, что делать. Одни — быстро по воду, другие давай из Шебова горла вытаскивать косточку. Но, так и не вытащив, попытались протолкнуть ее дальше. Удалось им это только тогда, когда воротились те ласточки, что отправились по воду. Они столько воды влили в Шебово горло, что, почитай, всего ею залили, прямо утопили в воде. Но зато помогло! Косточка проскользнула, и вот она уже у Шебо в брюшке.

— Видите, видите? — радовались ласточки. — Мы помогли, все-таки мы ему помогли.

— Только бы животом от воды не стал маяться, — с тревогой обронил Чилибулк.

— Я вам покажу «животом маяться»! — рассердился Шебо. — Ну-ка прочь от меня, хватит вам тут щебетать, не то как начну щебетать — своих не узнаете!

— Ах невежда! — обиделись ласточки. — Вот мы и получили за нашу службу! Нет чтоб сказать нам спасибо, он еще и оскорбляет нас.

— А вы чего хотите? Чего б вы хотели? Ведь со мной ничего не случилось, — завирал Шебо. — Я притворялся. Просто знать хотел, что вы будете делать.

— Как бы не так! «Притворялся»! — заметил Чилибулк.

— Да, притворялся, — повторил Шебо. — Жажда меня мучила, хотел, чтобы мне воды принесли.

— Не ври, не ври, не ври!

— Чего мне врать! Чем плохо, что во мне косточка? Вот она, вот она, — хлопнул он себя по пузечку, — тут она, в желудке, и теперь мне есть не придется. Теперь я никогда не буду голодный, вот потому я и съел ее.

— Ну, ну! Ты опять сочиняешь? Так мы тебе и поверили!

— Ну и не верьте, подумаешь! Косточка здесь, плавает в водичке, водичка журчит, а мне и думать о еде не надо, я ведь

до конца жизни наелся. Это мне один воробей посоветовал. Да что воробей,—Шебо поправил себя,—то был учитель, даже еще поумней, чем учитель, потому что учил в такой школе, где воробьи на учителей учатся. Это был великий профессор! Его так и называли: «Великий профессор»! Он и меня учил. Мы с ним были товарищи. Душа в душу жили, рука об руку летали...

— Рука об руку? Хе-хе! Да ведь у тебя и руки-то нету,— подколот его молодой воробей.

— Дурак! Тогда она была у меня,—не дал сбить себя с толку Шебо.—Тогда у меня было две руки. И даже три, потому как одна рука была с ним общая: летали-то мы с ним рука об руку. А потом я тоже учил в этой школе.

— Фигушки, учил!

— Честное слово, учил. Я ведь тоже профессор. И был профессор, и есть профессор, потому-то у меня и пузо такое большое. А ну-ка покажите, у кого еще такое пузище?

— Не хватает мне еще своим пузом хвалиться!—ухмыльнулся Чилибулк.—Думаешь, интересно твой живот разглядывать? Но уж раз ты хвалишься и завираешь, скажи, чему ты там учил?

— Чему, чему? Ну чему я мог учить? Всему учил.

— Чему всему?

— Всему, ясно. Думаете, мне охота с такими дураками об этом беседовать?

— А пузо ты показываешь, знай егоставляешь. Тогда и руки покажи, покажи свои руки! Где они у тебя? Куда ты их дел?

— Какие руки?

— Ты ж говорил, что у тебя руки были? Куда ж ты их дел? Куда они подевались?

— Надо больно мне перед вами отчитываться! Ведь это были мои руки, что хотел, то с ними и сделал. Ну были у меня руки, а потом я их выбросил. На что они мне? У меня ведь крылья и ноги, зачем мне еще руки с собою таскать? Руки мне теперь ни к чему. Была б голова на месте! А моя голова дорогого стоит, кое-что в ней имеется. Не по рукам, а по голове узнается профессор.

— Голова как голова.

— Как бы не так! Для дурака все равно, потому что между дурными головами нет никакой разницы. Но у меня не только голова, у меня есть еще и живот! Вот он какой, поглядите! — Шебо вертелся то в одну, то в другую сторону, чтобы его живот все видели. — У кого еще такое брюшко? Кто хочет видеть профессорскую голову, а тем более профессорское брюшко, пускай хорошенько меня оглядит. Так! А теперь попробуйте сказать что-нибудь! Нечего сказать, да? А в этом брюшке еще и косточка. А раз там косточка, так с этого дня я уже ничего есть не буду, потому что у меня полнехонько в животе. Плевать мне теперь на мух. Отныне в упор их не вижу. А если и поймаю ненароком какую муху, враз ее отпущу. Пускай себе летает. А дурак пускай летает за ней.

— А зерно? — поинтересовались воробьи.

— Чего, чего?

— Зерно. А если зерно найдешь?

— Зачем мне зерно? Думаете, зерно мне в диковинку? Ведь я и до сих пор зерно ел лишь потому, чтоб оно вам вкуснее казалось. Не хотел аппетит вам портить.

— А если найдешь его? Тогда что?

— Что тогда? Не буду искать, не найду. Зачем мне искать? Не найду, и все дела. А если случайно найду, не увижу, незрячим стану, слепым притворюсь. Или возьму да закричу: «Зерно!» И полечу дальше. Дураки, ищите его. А теперь оставьте меня в покое! Я слишком наелся, пойду малость сосну. И не вздумайте меня тревожить. Шебо есть Шебо, с ним шутки плохи, потому как если рассердится, ученикам и школярам несдобровать! Сразу все у меня зачирикаете!

ШЕБО НЕ СДЕРЖАЛ СЛОВА

Шебо, конечно, не сдержал слова. А чего от него ждать? Сперва он набивал брюшко украдкой, да ведь воробьев не проведешь. Заметили, что он проглотил муху, и тут же объявили ему об этом:

- Ты ж говорил, что больше никогда не будешь есть! Шебо сразу на дыбы:
- А я разве ем? Я и не ем.
- А вчера? Вчера что было?
- Вчера что было? Ничего не было. Вчера было вчера.
- А муха? Будто мы тебя не видели!
- Какая муха? Чего вы видели? О какой мухе вы говорите?
- Ну-ну, дурачком не прикидывайся! Ты проглотил муху. Мы видели.
- Меня видели?
- А кого же еще? Зря отпираешься! И не один, а многие тебя видели.
- Многие? А что вы видели?
- Муху.
- Муху? Ах, муху! Это вы о мухе. Да, правда, муху я съел. Но только ради интересу. Честное слово, только ради интересу. Ключнул ее, а потом сразу выпустил: летай, мол, мушка, летай! Так и сказал ей. Уж если вам охота язык почесать, так про все до конца болтайте! Ключнул ее, это правда, но говорю: тут же выплюнул. Этого вы не видали?
- И это видали.
- Видали? Так чего же вы тогда хотите, чего языком мелете? А что сказал ей? Летай, мушка, летай! Said ей так?
- Ну, сказал. Что правда, то правда. Но потом ты ее снова ключнул и уж больше не выплюнул.
- Вот дураки петые! А что мне было с ней делать? Раза четыре, не меньше, я сказал ей: «Летай, мушка, летай!» Но это, видать, была какая-то неотесанная и ужасно бестолковая муха. Нет чтоб отлететь, она еще ногой на меня замахиваться. Ей-ей, ногой своей все в меня тычет, все тычет. Рассердился я не на шутку, а кто б не рассердился? «Ах вот ты как! Я к тебе по-хорошему, ласково: «Мушка, мушка, мушка!» А ты на меня? Уж не думаешь ли ты, что я тебя испугаюсь?» Рассердился я, и мушке каюк.
- Вот видишь! Наконец ты признался.
- Что вижу? В чем признался? Я уж ничего не вижу. Муха-то видит, если еще видит, муха черешневую косточку в

моем желудке разглядывает. Ведь там она, черешневая-то косточка. И пускай муха радуется, что ей выпало счастье в профессорский желудок заглянуть. Косточка в желудке, и я опять с нынешнего дня буду мух есть, потому что профессор может делать все, что ему вздумается. Пускай и мухи радуются. Пускай будут счастливы, что их съел профессор, а не какой-нибудь воробей-дуралей.

И Шебо вдруг — порх! Поднялся чуть, затрепетал крыльями и снова клюнул. И опять это была муха.

— Видите? — сказал он весело. — Там у меня уже две. Вот так надо ловить. Ну, я полетел. Потому как третью захотел.

ЛЕТО ДЛЯ ВОРОБЬЯ — ЛУЧШАЯ ПОРА

Лето для воробья — лучшая пора! Ему особенно и летать-то, гоняться за пропитанием не надо. Где угодно отыщет он ржичку, козявочку, семечко. Полевой воробей — на поле, а дворовый, ну уж коль он дворовый, всегда разживется чем-нибудь во дворе. Люди постоянно что-нибудь рассыпают или курам бросают, а воробей, когда голоден, не побрезгует склевать и из миски. А что люди или куры сердятся на него, ему и дела мало.

Да куры, пожалуй, и не сердятся. А люди — кто как. Но воробей скажет себе: «Ну и сердитесь! Думаете, я на это обращаю внимание? Вот проголодаюсь, опять что-нибудь у вас утащу».

Правда, летом и воровать-то особенно не приходится. Куда ни глянь, на дороге, во дворе, у забора, почти на каждом шагу найдется какое-нибудь зернышко, только склюнь его — и готово. А кроме того, везде полным-полно всяких букашек, насекомых, мушек и мух.

Но ржичка есть ржичка. Что ни говори, а ржичка воробью больше всего нравится.

Люди это знают, и хотя среди них встречается немало всяких скупцов, летом они все-таки становятся добрее. Иной раз и у самого большого жадюги смягчится немножко сердце, и он не разгневается, когда воробей утянет у него хлебное зернышко.

А может, улыбнется и подумает: «Ну, поклюй, воробушек, поклюй! Зимой-то небось оголодаешь, а то и вовсе с голодухи ножки протянешь!»

А воробей словно слышит это, возьмет да нарочно так пузо набьет, что оно, того и гляди, лопнет. Потом вспорхнет на плетень или на крышу и заведет песенку:

*Чвири-чвири-чвири,
Я уж съел четыре.
Если поискать,
Так склюю и пять.*

Он и впрямь склюнет. И наверняка зернышек этих будет куда больше пяти. Поклюет-поклюет, пока пузечко набьет.

И знай смеется. Все время чему-то смеется. Про себя, может, думает: «Ну и что! А почему бы мне не смеяться! На дворе ведь лето, а лето мое. Для воробья лето — лучше нету! А придет зима, что ж, будет зима, и я зятяну какую-нибудь другую, зимнюю песенку».

ПЕРЕД ОТЛЕТОМ

Лето потихоньку кончалось, близилась осень, и ласточки стали готовиться к отлету. День за днем высиживали они на крышах домов и на телеграфных проводах и вели разговоры о долгой и трудной дороге, которую надо им одолеть, чтобы попасть в теплые страны.

— Что нового, Анички? — заговорил с ними как-то профессор Шебо. — Видать, у вас занятия. Почему вы кучкой усе-лись?

Несколько ласточек прикрикнули на него:

— А ты помалкивай! Молчи лучше! О себе думай!

— А я думаю. Но и о вас моя забота. Сентябрь уж на дворе. Дети в школу пошли, учитель их там на ум наставляет. Теперь, глядишь, некому в воробьев и камнем запулить. И вы тоже, похоже, взялись за ученье. Давно бы пора!

— Не болтай языком, Шебо! Не мели пустое!

— Какой я вам Шебо? Профессор Шебо! Для всякой

Анички-ласточки я был и останусь профессором. Думаете, я не знаю, что вас ждет впереди и о чем вы судачите? Что ж, я тоже не прочь о деле поговорить. Вы когда полетите?

— Скоро. Скоро полетим. С дикими гусями у нас уговор. Как они полетят, так и мы тронемся.

— А когда? Когда это будет? — допытывались молодые ласточки, которые еще никогда в теплые края не летали.

— Увидим. Мы гусей непременно заметим. Скорей всего, первого. Мы же всегда видим, как они единицей летят. Не могли они нас обмануть.

— Но почему? Почему надо их дожидаться? — не отставали молодые. — Почему уже сейчас мы не можем лететь?

— Подождать надо, ведь у нас уговор, — отвечали старшие. — Как только заметим на небе гусиный клин, и мы на крыло.

— Ну что ж! Не хочу, конечно, вмешиваться в ваши дела, — пустился в размышления Шебо, — но гусь есть гусь. Я ничего не имею против диких гусей, но особенно я бы не стал на них полагаться.

— Тебе легко говорить, тебе не надо лететь! — обронила самая старшая ласточка.

— Что правда, то правда, — согласился Шебо. — Но и вас никто отсюда не гонит.

— Как так? Зима нас гонит, — сказала самая старшая.

— Да, зима — чего хуже, — снова согласился Шебо. — И вправду, зима иной раз бывает лютая-лютая. Бррр, лучше и не думать о ней! Ведь как начнет крепко примораживать, я и сам клювом застучу, хоть к обычному морозу мне не привыкать. А вот если дикие гуси не полетят?

— Полетят. Обязательно полетят. А почему бы им не полететь?

— Не знаю. В конце концов, вам решать. Но я бы на них не больно полагался.

— У нас с ними уговор, и мы хотим сдержать слово. Все дело в числе и в их календаре. У диких гусей календарь точней и надежней, потому мы их ждем. А по дороге все равно от них оторвемся.

— Послушайте, соседushки, послушайте, Анички! — Шебо

вертел головой из стороны в сторону.—Как вам не стыдно! Читать умеете, часы знаете, а календаря нету у вас, на свой календарь не надеетесь! Мой календарь в голове и в животе, и часы тоже там. Хотите знать, сколько времени?

— Сколько? Ну-ка скажи!

— Через несколько минут будет обед.

— Откуда ты знаешь?

— А вот знаю.

— А как? Откуда ты узнал?

— Мне желудок подсказал. Захотел муху — значит, обед на носу.

— Опять языком мелешь! У нас теперь другие заботы. Зря ты нас растрогал.

— А чем-чем?

— Небось знаешь чем. Сомнениями. Мне вдруг вспомнилось,— сказала одна взрослая ласточка,— что и в прошлом году дикие гуси обещали лететь первого, а не летели. Только седьмого летели. Мы ясно видели на небе семерку.

— Седьмого летели? Вот-вот! — вскинулся Шебо.— Надули вас! Вас надули, а вы им все верите! Теперь-то вы хоть видите, какой у них календарь и как они его держатся.

— Ну ладно! — опять взяла слово самая старшая.— Первого или седьмого — все равно. Несколькими днями раньше или позже — какая разница?

— А вот и разница! — наставлял ласточек Шебо.— Семь дней — это целая неделя, а неделя иной раз — большой срок. Пугать я никого не хочу, мне-то ведь действительно все равно, потому что я здесь остаюсь, зимовать здесь буду. Но вы-то неженки! Вот потому и берегитесь! Послушайте умный совет, чтоб потом не жалеть. А ну как непогодье? А ну как похолодает раньше обычного?

Некоторых ласточек слова Шебо обеспокоили. А одна даже поддержала его:

— Конечно, Шебо есть Шебо, мы все его знаем, знаем, как он любит языком молоть. Но пожалуй, на этот раз Шебо дело говорит. Может, и прав он. Среди нас кто помоложе, кто постарше, но многие уже по опыту знают, что всякое может случиться. И морозы могут до срока ударить. Будто так

не бывало! А мы разве об этом думаем? Что нас ждет впереди, какая будет дорога — никому не ведомо. Поэтому давайте как следует пораскинем умом. Шебо, конечно, воробей, но и воробей не всегда дуралей. О прошлом годе и впрямь нельзя забывать. Летели гуси первого? Нет, не летели! Только седьмого летели. Может, ошибка у них получилась, может, что-то преградило им путь, но нам-то зачем из-за них в беду попадать? Право, мне кажется, Шебо стоит послушаться: давайте не будем ждать диких гусей, а завтра же поутру — в путь! Так-то оно надежнее!

Что ж, на некоторых ласточек эта речь и правда подействовала. Несколько осторожных и боязливых стаяк сразу же на другой день поднялись на крыло.

Но большинство по-прежнему дожидалось диких гусей. Ласточки усаживались на крышах домов и амбаров, на электрических проводах и без устали спрашивали друг дружку:

— Полетят гуси? А вдруг уже пролетели? Нет, не может быть! Мы бы их видели. Когда же они полетят? Когда ж наконец полетят? А вдруг они нас обманули? Но зачем им обманывать? Зачем им нас обманывать? Когда же они наконец полетят?

— Не бойтесь, нечего вам бояться! Увидите, полетят дикие гуси, — успокаивала их самая старшая ласточка. — Обязательно полетят. Дикие гуси не обманывают. Они и в прошлом году нас не обманули. А чтоб вы мне поверили, расскажу-ка я вам сказку про диких гусей.

СКАЗКА О ДИКИХ ГУСЯХ

Жил когда-то один мальчик, и был он очень хворый. Болели у него ноги — совсем-совсем его не слушались. Всю зиму просиживал мальчик дома на стуле, и родители переносили его из угла в угол, чтобы не было ему так грустно, но все равно время текло медленно-медленно.

Больше всего мальчик любил сидеть у окна. К окну всегда подлетали воробьи и синицы, потому что он часто насыпал

туда зерна или хлебных крошек. Когда ничего другого не было, он скармливал птицам крошки от своей краюшки хлеба, хотя большой она вовсе не была. Мальчик был из бедной семьи, родители его еле сводили концы с концами, но он радовался, по-настоящему радовался, если мог поделиться чем-нибудь с птичками. И горько горевал, когда нечего было им накрошить или насыпать: ведь подчас не только хлеба, но и жалких крошек в доме не водилось. Однако воробьи и синицы кружили за окном и тогда, когда он им ничего не давал. Впрочем, тогда слеталось их еще больше, они весело кружились в окне и вытворяли всякие фокусы, словно хотели убедить мальчика, что им хорошо и ничего им не надо, так как где-то чем-то уже поживились, наклевались вволю, а теперь слетелись сюда лишь потому, что довольны и веселы и хотят его позабавить, а если удастся, и рассмешить.

Как потеплело, родители стали выносить мальчика во двор, сперва на часок-другой, а потом, когда приспели полевые работы, оставляли его там на целый день. Ведь им приходилось с утра до вечера работать в поле, а разве мальчика с собою возьмешь? Утром, бывало, подставят к его стулу миску или тарелку с едой, чтобы, проголодавшись, он и сам мог до нее дотянуться. А иной раз и соседей попросят навеститься к сыну — поглядеть, не случилась ли с ним какая беда.

Однако соседи когда заглянут, а когда и нет, ведь они тоже не сидели без дела. У каждого свои заботы. А соседские дети, коль не болели, должны были ходить в школу или помогать родителям. Людям тогда трудно жилось.

Вот и просиживал мальчик целыми днями один-одинешенек. И бывало ему очень невесело. Есть и то порой не хотелось. А бывало, еда его вдруг пропадала: во дворе жила кошка, и она вечно вертелась около мальчика. То молоко у него выпьет, то съест все, что ему оставят. В прежние времена ведь и кошки, и мыши ходили голодные. Кошку мальчик любил, но с еды все-таки старался глаз не спускать. Даст кошке, бывало, попробовать, а потом — брысь! А то ведь иначе и сам голодный останешься и птичек ничем не побалуешь.

Ласточек особенно он любил. Целыми днями глядел на них, разговаривал с ними и так подружился со всеми, что стал

их речь понимать, а потом даже выдумывал для них разные небывицы и шутки: он их веселил, а они — его. Ведь ничего другого ласточкам от мальчика и не нужно было. Лето есть лето, летом пишу легко себе раздобыть! Может, только когда-никогда, и то любопытства ради, какая-нибудь ласточка возьмет да попробует, что родители мальчику приготовили. Но надо сказать, его кушанье редко им нравилось, хотя виду они не показывали. Обычно говорили: «Что ж, ничего! Есть можно!»

Но тут же спешили прочь, чтобы вволю мух наглотаться.

Так проходил день за днем. Мальчик жил душа в душу с ласточками, но старался и с кошкой дружить, хотя она-то дружбу его не очень заслуживала. Сколько раз ласточки остерегали мальчика: «Осторожно! Кошка! Береги миску!»

В самом деле это была негодная кошка. Она съедала у мальчика все лишь потому, что ленилась за мышами по полю бегать. Мальчик ругал ее, корил всячески, подчас ему даже плакать от обиды хотелось. И тогда ласточки утешали мальчика, весело кружились вокруг и нарочно дурачились, а не то рассказывали ему сказки, чтобы, слушая, он легче забывал о голоде. А иногда уверяли его, горячо-горячо уверяли, что он поправится, говорили даже, что он уже к концу нынешнего лета сможет ходить. Но ноги не слушались мальчика — не слушались, да и только. Иногда он даже пробовал встать, но тут же садился, и целое лето — шажок за шажком — шаркал по двору на этом своем несчастном стульчике. Как же ласточкам было не жалеть его!

А кошка эта, знаете ли, негодница была, каких мало. Однажды — дело было перед самым отлетом — ласточки, прощаясь с мальчиком, вились вокруг него и, по своему обыкновению, нарочно шутили: не хотели, чтоб мальчик понял, как им без него будет грустно, как им уже сейчас становится грустно. Кошка сидела поблизости, да вдруг как вскочит и хват! Схватила одну ласточку и наверняка съела бы ее, если бы та не юркнула под стул к мальчику. А куда еще спрячешься?! Мальчик ласточку едва высвободил! Да вот беда: кошка искалечила ласточку, поранила крылышко. Ласточка плакала, горевала, и все вокруг вместе с ней горевали. А на другой день им улетать. Что тут делать, как быть? Не бросать же больную

подружку! Пришлось отложить отлет. Мальчик лечил ласточку, обихаживал ее, и родители чем могли помогали, но проходил день за днем, каждый последующий был чуть холоднее предыдущего, а больное крылышко не поправлялось. И наступило время, когда отлет уже нельзя было больше откладывать. Ведь другим ласточкам это грозило несчастьем и гибелью!

Больная ласточка все понимала. И потому убеждала подружек:

— Летите, скорей летите! Нельзя вам дольше тут оставаться. Разве я могу вас здесь удерживать? Будь что будет, а вам надо лететь: пора пришла.

И все ласточки знали: их подружка права. В самом деле, медлить было нельзя. Мальчик уверил их, что непременно долечит подружку и, если получится, пошлет ее следом за ними с какой-нибудь припозднившейся стаей или стайкой. На свете ведь множество разных птиц, что бороздят небо, и все они знают только один путь — путь от гнезда до гнезда, чтоб из гнезда в гнездо воротиться или где-то далеко-далеко свить себе новое. И так каждый год. Наверно, и впрямь полетит еще стайка каких-нибудь птиц, с которыми ласточка дружит, и тогда она сможет пристать к ним и уже не чувствовать себя такой покинутой, потерянной и в осеннем небе совсем-совсем одинокой, вынужденной от дома к дому одолевать долгую и изнурительную дорогу.

Мальчик утешал их, как мог. Пообещал им, что — если не случится попутной стаи — он позаботится о больной ласточке до самой весны. Ничего другого, более мудрого придумать уже было нельзя, и ласточки в одно прекрасное утро, простившись со своей подружкой и мальчиком, и впрямь улетели.

Дни наступили холодные, и казалось, что скоро они станут еще холоднее, а может, и дожди зарядят, да вышло все по-другому.

Настало бабье лето, солнышко снова ярко и тепло засветило, и раненое крылышко на удивление быстро пошло на поправку.

И как раз тогда над этим краем пролетала дикая гусочка. Правда, дикая гусочка! Летела она одна-одинешенька, верно,

тоже где-то замешкалась, и остальные гуси, позабыв о ней, улетели. Вот и летела она наугад, потому что была молода, неопытна — ей и году от роду не было — и, конечно, не знала дороги. Летела гусочка и жалобно гагала. Вот она уже пролетела деревню, где жил мальчик, и опустилась чуть ниже, потому что увидела под собой рощи, а промеж них поля и влажные луговины. А что, если там она встретит других диких гусей, которые так же, как и она, припозднились или сели отдохнуть? И может, она подружится с ними и дальше полетят они уже вместе?

Но не было ей удачи. Села гусочка, посидела, потом снова взлетела. Кружила она там и сям и без устали гагала, но никто ей не отзывался.

А мальчик заметил ее. Он жил на краю деревни и в это время как раз сидел во дворе. «Кто же это так жалобно плачет?» — подумал он и поднял голову к небу.

Гусочка!

Он окликнул ее, закивал ей. Но мы-то знаем, какие дикие гуси осторожные, недоверчивые.

Тогда взмыла со двора ласточка. Раненое крылышко уже понемножку служило ей.

— Ты куда путь держишь, гусочка? — крикнула она на лету. — Куда летишь и отчего плачешь? Подлети поближе, я не долечу до тебя! Поделись своей печалью!

И гусочка, услышав и увидев ласточку, робко направилась к ней. Опустившись совсем низко, они обе полетали-покружили над двором, да и присели наконец, но не возле мальчика, а в самом конце двора, откуда легко было упорхнуть на зады.

И они друг другу поплакались. Дикая гусочка пожаловалась, что подружки покинули ее и что теперь она не знает дороги, ведь никогда еще в такую даль не летала. А ласточка рассказала гусочке о своих злоключениях.

Ласточка была уже немолода, повидала свет и потому знала, как гусочку утешить.

— Не бойся! Я хорошо знаю дорогу. Знаю, куда всякий год отлетают дикие гуси. Хочешь, растолкую тебе? Да мы могли бы и вместе лететь, кабы крылышко мне лучше служило. Но этот мальчик, считай, меня уже вылечил. Подожди хотя

бы денька два-три, а там с тобой и отправимся в путь!
— Да я же к гусочкам, только к гусочкам хочу! Что же я без других диких гусочек делать буду?

— Знаю я. Каждый к своим. Даже любой бесстыжий воробей и тот к своим прибиться торопится. Всяк по своей родне тужит. И я по своим. По ласточкам. Не бойся! Мы отыщем и диких гусочек. Не заплутаемся.

— Я подожду, обязательно тебя подожду. Может, и службу тебе какую сослужу.

— Что ты, гусочка, какая служба! Мы же вместе полетим, если нужно, и поможем друг другу. А чтоб ты нашла дорогу к своим, я покажу тебе, когда и куда надо свернуть.

— Вот счастье мне выпало! Милая моя ласточка, ведь я уже два дня как плутаю. Если ты и вправду мне укажешь дорогу, век тебя не забуду. Но кто знает, может, и я тебе пригожусь. Может, устанешь по дороге и у тебя разболится крылышко, я тогда подхвачу тебя и унесу на крыле!

— Спасибо тебе! Дня через два-три я поправлюсь, и мы вместе с тобой полетим. А этого мальчика ты не бойся! Он ведь тоже больной. Не может стать на ноги. А меня вылечил. И за тобой он меня послал. А теперь обрадуется, что у меня будет такая сильная подружка в дороге.

Они остались в деревне еще на три дня. Мальчик и с дикой гусочкой подружился, и им так не хотелось расставаться друг с другом...

— Мы воротимся сюда,—уверяла его ласточка.— Увидишь, по весне я обязательно сюда ворочусь.

— А я хотя бы привет тебе пошлю,—пообещала дикая гусочка.— Я ведь полечу еще дальше. Полечу с остальными гусями, но над вашим домом обязательно тебе гагакну. Вот увидишь, как я с тобой поздоровуюсь. Все гуси загогочут, все тебе привет пошлют. Какой у вас номер дома? —спросила гусочка.

— Семь, или, как еще говорят,—семери́ца,—ответил мальчик.

— Семерица? Хорошо. Запомню,—сказала гусочка. И они улетели.

Через два дня снова похолодало, скоро и подмораживать

стало, и мальчик опять целыми днями просиживал в комнате. Сидел он у окна и глядел на воробьев и синиц, случалось, и дрозд пролетал, а раза два и снегирь пропорхнул. Мальчику так хотелось выйти во двор, но ноги по-прежнему ему не служили и, конечно, никогда не будут служить. Он все больше и больше понимал это. Возможно, родители когда-нибудь и купят сыну тележку или даже трехколесную коляску, но когда это будет? Такая коляска больших стоит денег, их нет у родителей, а если бы и были, они бы все равно не купили ее, ведь такая коляска пока ему не нужна, он еще мал и слаб, разве под силу ему крутить ручными педалями? При такой-то натуге, глядишь, еще и руки отнимутся. Зачем ему коляска? Для того чтобы переносить мальчика с места на место, из угла в угол, и стула достаточно, а на маленькое расстояние он и сам на стульчике ползает. Позволь ему родители, мальчик выполз бы и во двор. Но родители не позволяют. А вдруг простудится? Тогда хлопот с ним и вовсе не оберешься.

Наконец пришла весна. К счастью, каждый год приходит весна.

Прилетели скворцы и жаворонки, а вот ласточек и диких гусей мальчик никак дожидаться не мог. Когда же они прилетят? Когда наконец? Когда они будут здесь? И попадут ли сюда? Не спутают ли дорогу? Пролетят ли над деревней дикие гуси и будет ли среди них его знакомая? Не забыла ли о нем? Когда же наконец полетят дикие гусочки?

Дикие гусочки не обманывают. В один прекрасный день появились они в голубом небе и правда послали деревне привет. Замечательный привет! Гусочки посылали его всем, но мальчику прежде всего, и им хотелось каким-то особым образом показать ему это.

— Какой у мальчика номер дома? — спросила самая старшая гусочка.

— Семерица, — отозвался кто-то сзади. Конечно, это сказала та гусочка, с которой мальчик в прошлом году подружился.

— Внимание, дикие гусочки! — крикнула самая старшая. — Построемся единицей, чтобы мальчик знал, что этот привет мы посылаем ему.

— Не единицей, а семерицей,— раздалось сзади.— Я сказала «семерица».

Но на небе появилась красивая единица.

— Семерица, семерица,— поправляла их та, которой особенно хотелось порадовать мальчика.

Старшая гусочка даже прикрикнула на нее:

— Единица, единица! Я же не глухая, чего ты так кричишь?

Это был красивый полет.

А в веселом гоготе и радостном трепетанье крыльев короткое плечико единицы вытянулось и чуть быстрее продвинулось вперед, и вот из нее уже должна была получиться семерка, или, как еще говорят, «семерица», но наша гусочка, чтоб всех перекричать, вырвалась из строя вперед и испортила эту семерку.

Правда, она тут же это заметила и поспешила свою ошибку исправить, успев еще раз радостно крикнуть:

— Га-га-га! Семерица, замечательная семерица!

Она радовалась, что семерка уже становится настоящей семеркой.

Однако гуси снова недослышали. И тотчас вслед за ней еще веселей и громче загоготали:

— Га-га-га! А ты не порти наш строй!

И гуси снова выстроились, образовали клин, и снова это была замечательная единица, которая неслась по небу, словно стрела, отзываясь радостным и победным гоготом.

ОТЛЕТ

Ласточкам сказка понравилась. Понравилась она и воробьям, потому что те тоже слетелись на крышу послушать.

Шебо стал уверять, что этого больного мальчонку он знал, но никто не хотел ему верить.

— Кого ты только не знаешь!— рассердился на него Чилибулк.— Почему ж ты до сих пор ни слова о нем не говорил?

— А зачем? Зачем мне обо всем говорить? Обо всем все равно сразу не скажешь. Хотите верьте, хотите нет, а я его знал. Когда жил в Загорье, изо дня в день с ним встречался. И еще могу вам сказать, что эту самую трехколеску он получил. Родители купили. Я потом тоже на ней катался. Бывало, скажу ему: «Прокати малость!» И он всегда меня катал. Сидел я, посиживал возле него на трехколеске, красота! Что и говорить, колеса есть колеса!

— Но это же просто сказка!

— Для вас сказка, а для меня была! А вы что на это скажете, Анички? — обратился он к ласточкам. — Все-таки решили ждать своих гусочек?

— Подождем.

— Ваше дело. Я вам уже сказал, что думаю. Могу и повторить. Вы же знаете, я болтать языком не люблю. С тем мальчиком, о котором вы так ловко чирикали, я был правда знаком, но на гусей я бы не стал особенно полагаться. Вы же сами минуту назад говорили, что они как разгогочутся, так порой собственного голоса не слышат. Не ведают даже, о чем гогочут. Да и чисел не знают. Единица, двойка, четверка или семерка, то бишь семерица, для них тьфу! Растягивают числа на небе, как им вздумается. И мне полагаться на их календарь? Право, я бы не стал.

— Да и нам не обязательно. Знаем, когда и куда надо лететь. И природа вокруг нам это подсказывает. Она нас и с другими птицами связывает. Ведь на свете не только ласточки, а целые стаи, целые братства всяких других перелетных птиц. Когда это поймешь, тогда уже легче и веселее лететь, тогда уже и слабые птахи найдут в себе силы одолеть трудную дорогу в дальние земли.

— И то правда! — Шебо с пониманием покивал головой и захмыкал. — Да, звучит это прямо по-профессорски! Конечно, между всеми птицами должно быть братство и товарищество. Я бы, к примеру, устроил и общий хор: все бы там пи-пи-кало, пело, щебетало, стрекотало, чирикало, трелило, верещало и каркало, а какой-нибудь глоткодер, быть может, там и горло бы разодрал. Я за такое дело! Я, конечно, ко всем птицам испытываю братские чувства. Но вы-то, вы почему именно на

диких гусей положились, понять не могу. Что общего у ласточки с дикой гусочкой? Ведь стоит только поглядеть на гусиное яйцо. Какое оно, это яйцо? Да ведь оно и в ласточкино гнездо не влезет. Скорей ласточкино гнездо в гусиное яйцо влезет.

— Чушь городишь! Ты опять, Шебо, языком плетешь!

— Конечно, чушь несусветная! — вмешался в разговор Чилибулк. — Он ведь всегда чушь порет. А пока что... Гляньте, гляньте на небо! Что вы там видите?

— Дикие гуси, дикие гуси! И впрямь дикие гуси! — Среди ласточек начался страшный переполох. — Летим, летим! Дикие гуси уже здесь!

— Вот и разговору конец! — недовольно проворчал Шебо.

— Если не наговорился, можешь с ними лететь, — подколот его Чилибулк.

— Да и ты можешь! — огрызнулся Шебо. — Мне и здесь хорошо. — И, чуть подумав, пробормотал: — Ну что ж! Ничего не поделаешь! Уже снова зима на носу, черт бы ее побрал!

А потом опомнился и крикнул ласточкам:

— Счастливого пути, Анички! Может, без вас мне будет тут грустно.

КВАРТИРАНТЫ

Когда ласточки улетели, в их гнезда вселились квартиранты.

Что за квартиранты? Какие квартиранты? Мне, конечно, незачем вам об этом говорить. Вы и без меня легко догадаетесь. Воробьи, разумеется, воробьи. Заметив, что ласточки улетели, воробьи тотчас стали шнырять вокруг их гнезд, а уверившись, что оттуда не грозит им никакая опасность, враз осмелели, заглянули в одно, другое, третье и потом — юрк! Сперва юркнул в гнездо лишь один воробушек, и там ему сразу понравилось. Он закрутился, завертелся, в пляс пошел, запрыгал от радости на тоненьких ножках, затрепетал крыльями.

— Какое чудо! Какое чудо! — расхваливал воробей гнездо, а чтоб поделиться своей радостью, высунул голову наружу и

давай созывать товарищей: — Юрчик, поди сюда! Я нашел комнату! Знаешь, как тут чудесно! Мичка, Шебо, где вы? Подите сюда! Поглядите, какая чудесная комната! Ей-ей, я отсюда не двинусь, ни за что на свете с этой квартиры не съеду.

И воробьев уже двое, потом трое, а чуть погода и остальные слетелись и захватили все гнезда. Правда, ни в одном гнезде они как следует не устроились, потому что никак не могли меж собой столковаться, кто где будет жить. Знай только бранились да спорили и без конца перетаскивали пуховики из одного гнезда в другое, хотя места для всех бы хватило.

Но, бывало, между ними наступал мир, и тогда они снова принимались дурачиться или рассказывать потешные истории, покатываясь при этом со смеху.

А по вечерам, особенно если спать не хотелось, воробьи отправлялись друг друга пугать. Встретятся иной раз двое или трое, перепархивая из гнезда в гнездо, столкнутся клювами и снова — в смех, а то и в драку.

— Ты чего на меня налетел? — ершится один.

— Я налетел? Это ты на меня налетел! — в ответ другой. — Вот задам тебе встрепку, тогда узнаешь! Чего лезешь, куда не надо!

— Да ведь и я умею встрепку давать! Вот и молчи! Закрой клюв!

И сразу драться.

Шебо, бывало, высунет голову из гнезда, поглядит-поглядит на них и скажет:

— Дурачье, только уж как следует поддавайте друг другу! А как уморитесь, скажу вам, кто из вас поглупей был.

А утихала драка, он улыбался и говорил:

— Так вы уже кончили? Как следует уморились? Оба вы одинаково глупые, но теперь хотя бы спать будете крепко.

И Шебо убирался в гнездо. С минуту еще из соседних гнезд доносились ссоры, крики, смех, ругань, но мало-помалу все затихало. Воробьи один за другим засыпали. Один Шебо никогда не мог уснуть с вечера, долго ерзал на месте, а то и голову высовывал из гнезда и до поздней ночи потихоньку беседовал сам с собой:

— Ночи стали холодные и ясные. Кто знает, какая будет зима и найдется ли, чего поклевать? Я уж состарился, устал всех развлекать. Скорей просто так, по привычке, строю из себя дурака. Кому-то надо это делать?! А уйду отсюда, кто тогда вместо меня станет выдумывать всякие небылицы? Кто рассмешит воробьев и научит их весело жить? Хочу или нет, а должен здесь до конца оставаться.

ЗИМОЙ

Мы уже говорили, что лето для воробья — лучшая пора, а зима... Да, зимой ему и впрямь свет не мил. Особенно если навалит много снега, да к тому же заметут метели и покроют всю землю высокими сугробами, засыплют снегом дороги, избы и дворы, надуют снегу в двери и окна. Сколько воробьев попадает тогда в беду неминуемую! И никуда от нее не уйти, не спрятаться. Как быть, что придумать? Куда сунуться? Где укрыться? Куда пойти душу согреть? Где найти или у кого попросить пропитания?

Кому и посчастливится: одному воробью достанется гнездо от ласточек, и уж по осени он в нем обживаетеся, другой найдет какой-нибудь теплый закуток в сене или где за трубой. Ну а иному то и дело кочевать приходится: что ни ночь — он в другом месте, нигде нет ему покоя.

Однако большинство воробьев и тогда не теряют присутствия духа. Бывает, поворчат на холод и на голод, а кто и пожалуется, что подхватил насморк, но чтоб отчаиваться, ей-ей, ни один воробей не отчаивается, а скорей ждет-пождет, где бы можно было что утащить.

Если дело происходит на деревенском подворье, воробей поутру, чуть свет, пристроится к курам и скажет:

— Ну как? Вы уже завтракали? Что-то ваш хозяин плохо о вас заботится.

Где не бедуют куры, там и воробей беды не ведает. Но не на всяком дворе живут куры. А на городских дворах и вовсе мы бы кур понапрасну высматривали. Но воробей любит жить и в городе, и подчас он там совсем не бедствует, особен-

но если водит дружбу с голубями, ведь возле голубей воробью всегда есть чем поживиться. Что-нибудь и в мусорном ящике сыщется, а уж как интересны бывают городские балконы! Не все, конечно, не все! Некоторые люди ужасные скряги! Как часто воробей про таких людей думает, что они и понятия не имеют, для чего существуют балконы.

Но ловкий воробей мастер на всякие фокусы. Подлетит к окну, постучит клювом и был таков! А потом опять все сначала, и так до тех пор, пока человек не сообразит, в чем дело, или хотя бы не раздосадуется. И в самом деле, иной человек только тогда воробью что-либо кинет, когда тот начинает на нервах у него играть. А воробей знает это и нередко этим пользуется.

А то сядет иной раз на ветку, качается и чирикает, чирикает, хотя бывает, ему и чирикать-то не хочется, но он нарочно

изображает веселье, даже еще гримасы строит: таким путем хочет человека растрогать.

А иногда даже заискивает перед ним:

— Ну как, мы выпались, выпались?

Иногда пробует заговорить с человеком, как старый знакомец:

— Ну, как жизнь? Все трудимся, да?

Потом вглядывается в человека, вглядывается и, если видит, что доброе, дружеское слово на него не действует, насупится и скажет напрямик:

— Дай чего-нибудь!

Но иной человек нарочно глуховатым прикидывается. Воробей не на шутку разозлится на него, пробурчит что-нибудь ядовитое и — порх! Только его и видели.

Долго потом не появляется, но рано или поздно он опять прилетает, снова садится на ветку, снова весело качается и весело распевает:

*Эря, воробушек, ты просишь:
Дайте ржицы, дайте проса.
Этот даст, а тот не даст,
Эх беда, беда у нас!*

*Накрошите хлебных крошек,
Сала дайте мне, кто может.
Этот жадный, он не даст,
Эх беда, беда у нас!*

*Не даете, ну и пусть!
Я на ветке перебуюсь.
Даст мне сала или ржицы
Душечка моя синица.*

Трара-ра-ра, трара-ра!

Не дружи воробей с синицами, вряд ли он смог бы такую песенку спеть.

Синичек люди больше любят. И воробей, если попадает в беду, приходит иногда у синиц чего-нибудь выклянчить или стащить. Голод-то не тетка, кому охота с голоду помереть.

А бывает, что и синицы горе мыкают, и тогда уж они кланчат у воробьев:

— Есть чего? Есть чего?

— Конечно, есть. И вдосталь! — хвалятся воробьи. — Мы много нашли!

— А где? Где? — выпытывают синицы.

— В кооперативном амбаре. Там тайный лаз есть. Мы все досыта наелись.

— Ну и дела! А что? Что вы там нашли?

— Да надо ли спрашивать? Полный амбар там. Полнехонек амбар нашли.

— И рожь? Рожь? — не унимаются синицы.

— Что угодно. И ржица, конечно, — отвечают воробьи. — Вы-то любите пожирней пищу, но если нет ничего другого, и рожь хороша. А нам, воробьям, рожь больше всего по вкусу. Ох, мамочки мои, до чего ж мы наелись!

— А где он? Где этот амбар, скажите? — спешат синицы с вопросами. — Мы уже два дня, считай, как не ели.

— Покажем вам, не волнуйтесь! Заглядывают туда только двое старичков. И не прогоняют нас. Еще и посмеиваются. Небось знаете, какие бывают некоторые кооператоры! Зернышко туда, зернышко сюда — им разве жалко! Батюшки мои, вчера и сегодня я так объелся, что у меня аж пузечко болит. Нам и летать даже не хочется, во какие у нас животы. Придет лето, надо будет кооператорам помочь.

— Ваша помощь известна! — заливаются смехом синицы. — Все только к ржице да к ржице подбираетесь. А вот мы всегда помогаем. Сколько всяких гусениц и вредных насекомых мы съели!

— А мы нет, что ли? Мы тоже ели.

— Рожь ели, да? — хихикают синицы. Стоило им узнать, что скоро набьют пузечки, сразу веселей на душе сделалось.

— Рожь, рожь! Да ведь лучше нее и нет ничего, — не сдаются воробьи. — Но если муха налетит на меня, я отпущу ее, что ли? И не подумаю. А кто ее отпустит? И потом еще закушу чем-нибудь. Каждый ест то, что ему нравится и что под клюв подвернется.

— Но вы-то всегда ржицу ищете, — знай смеются

синицы.— Все стараетесь, чтоб вам рожь подворачивалась.

— А что мне ее стороной обходить? Прикажете от ржи отворачиваться? Ну не дурак был бы я? Да, рожь — это хорошо. А гусеница? Вы разве не знаете, на что гусеница похожа? Да мне на гусеницу и глядеть-то противно. Конечно, рожь куда приятней. Гусеница у меня подчас комом в горле стоит. Но если и она ненароком подвернется, ей-ей, и она от меня не уйдет, право слово, не уйдет! Эх, и впрямь человек не может сказать, что от воробья терпит убыток. Но как же я сегодня объелся! Полно пузечко ржицы. А что! За мной ведь не пропадет! Сослужу человеку службу, как умею.

— Так где ж этот самый амбар? Покажите нам,— напирала синицы.— Мы ужасно есть хотим!

— Да и мы туда можем порхнуть. Не знаю только, донесу ли я теперь свое набитое пузечко?

В АМБАРЕ

Конечно, в амбаре благодать. Амбар исстари считался постройкой замечательной и полезной!

Но городским воробьям впустую про амбар рассказывать. Многие, пожалуй, и не знают, что это такое. У деревни были, да и остались, конечно, перед городом свои преимущества. Любой воробей, который провел зиму тут и там и может сравнить город с деревней, наверняка со мной согласится.

В самом деле, амбар — штука замечательная! А знали бы вы, как воробьям живется в амбаре! Некоторые воробьи хвалят не нахвалят амбары. Чудесно там летом, а зимой еще чудесней, потому что там всегда можно спрятаться и спокойно поспать. Конечно, лучше всего в нем можно выспаться ночью, ведь в ином амбаре день-деньской стоит ужасная кутерьма. Ну и ладно! По крайней мере, там весело. А самое главное, там всегда найдется чем червячка заморить. Не обязательно, чтоб это были рожь или пшеница. Зимой вряд ли там и жито найдешь. Но это может быть какое другое зернышко, поменьше. К примеру, семечко клевера. В амбаре бывает все, что

угодно, там и вправду воробей с голоду не помрет, хотя в ином амбаре тьма-тьмушая воробьев.

— Чего вы такой гвалт тут подняли? — одергивают старшие младших. — Вот увидите, придет крестьянин, всех нас отсюда повыгонит.

— Какой еще крестьянин? — хитро усмехнулся Шумихруст. — Ведь это же кооперативный амбар. А кооператоров я не боюсь.

— Ну-ну! В том амбаре ты тоже, поди, не боялся, а потом тебя там чуть не прищемили.

— Как бы не так! «Прищемили»! Просто закрыли лаз, и я вылететь не мог. Вот и отсиживался, пока снова не пришли за зерном. А что мне сделалось? С меня как с гуся вода. И этот амбар не кто-нибудь, а я нашел.

— Ну-ну, не задавайся! — осадил его Шебо, потому как и он был в амбаре. Заглядывал он туда только днем, а ночевать по-прежнему отправлялся в ласточкино гнездо. — На Загорщине я видел столько амбаров, что вам и во сне не приснится.

— Только и знаешь Загорщину свою поминаешь! Раз тебе было там так хорошо, так и сидел бы там, — подколот его Чилибулк. — Чего ж не остался?

— Хотел Чилибулка повидать, — ответил Шебо. — Захотел тебя видеть, вот и прилетел.

— Мог бы поглядеть на меня, раз видеть хотел, а потом опять восвояси.

— Мог, конечно. Захочу, могу туда и сейчас махнуть. На Загорщине амбаров — не счесть! Никто из вас в жизни не видал столько амбаров!

— Ну сколько? Сколько их там? — спросил Мачай.

— Юрик-дурик! Их же не счесть, вот я и не считал!

— Дело какое, Загорщина! — презрительно ухмыльнулся Мачай. — Махну утречком за мухой, и уже там! Всегда говоришь о Загорщине, словно это чудо какое или хотя бы заграница.

Шебо сразу нашелся:

— Ну и махни туда, тебя никто тут не держит. А что до заграницы, так должен тебе сказать, я и там был.

— За границей?

— Да, за границей.

— Ой, не смейся!

— А я и не думаю.

— Тогда скажи, где? Ну где?

— Да хотя бы в Вене.

— В Вене? Хотел бы я знать, как ты туда попал.

— Запросто! Это было не сейчас, не год и не два назад. Давно было. Отправился я туда с загорчанами. Загорчане когда-то ходили в Вену овощи продавать, вот я и прибилсь к одному. Постойте, как его звали? Ах да, Шуре́к! Точно Шу́рек! Шел он в Вену морковь продавать.

— А когда? Когда это было? — перебил его Мачай. — Ты ведь не такой еще старый.

— А тебе какое дело? Не забывай, что с профессором разговариваешь. Вот, стало быть, такая история, — продолжал Шебо. — Я туда и идти-то не собирался, да у этого Шу́река был большой прутьяной короб, а в нем отличная морковь, в самом деле отличная! Я ненароком ее заметил, хотя морковь редко когда меня занимает, даже можно сказать, ничуть не занимает. Да я паука на ней углядел. Прыгнул за пауком, и вдруг — бац! Шу́рек крышку захлопнул, а я в коробе. Ей-ей, не на шутку испугался. Что теперь будет, что меня ждет? Но я сказал себе: «Сиди смирно, авось и пронесет чудом». Ведь эту морковь Шу́рек тащит куда-то, то ли продать, то ли подарить кому хочет. Если не оплошаю и счастье меня не покинет, глядишь, все добром обернется. Только дело-то какое: не успел я и глазом моргнуть, а был уже в Вене.

— И не говори! А как же ты догадался, что это Вена?

— Так я же увидел ее.

— Что увидел? Где увидел? Как ты ее узнал? Ведь это ж мог быть и город на Загорщине, ну хотя бы Ма́лацки.

— Дурак печеный! Я что, Малацки не знаю? Загорщину знаю, как свою лапу. Но Вена есть Вена. Это сразу видать. Я тут же заметил, что там все по-другому, чем у нас. Сперва-то я ни о чем не догадывался. Знать не знал, куда попал. Гляжу, на дереве — воробей, обращаюсь к нему, понять хочу, что за город такой. А он ни бе ни ме. А потом поворотился ко

мне, разинул клюв и спрашивает: «Was?»¹ Какое «вас»? Что еще за «вас»? Я и говорю: «Не валяй дурака! С каких это пор воробьи друг с другом на «вы» разговаривают? А он опять: «Was?» Я ему еще что-то, а он как фыркнет сердито: «Ich verstehe nicht»². Мамочка родная, да ведь я за границей, да ведь я в самой Вене! А уж через минуту вокруг меня воробьев — туча несметная! Оглядывают меня, клювы от удивления разевают, только что из того, коль я ни с одним столковаться не могу. Попробовал я еще раз-другой, а они знай головами вертят, а если кто и обронит слово, разве поймешь? Но тут я заметил, что они друг за дружкой повторяют: «Фельдек! Фельдек!» Ну и я попробовал выговорить: «Фельдек!» И они сразу обрадовались. Двое умчались куда-то, но тут же воротились, а с ними еще один прилетел, этакий здоровущий воробушек, куда мне до него. Он оглядел меня серьезно, а потом и представился: «Ich heiße Feldick»³. Я тут же смекнул, что его так зовут, и тоже назвался: «Тебя зовут Фельдек, а меня Шебо». Фельдек смеялся и сказал: «Мы с тобой друк друшку понимайт!» Я хлоп его по крылу, ведь и мне рядом с ним веселей стало. «Понимайт, понимайт! Раз понимаешь меня, ну-ка живо мне что-нибудь раздобудь, потому как я зверски проголодался, а Вена для меня, что лес темный. Не знаю даже, где тут мухи у вас!» Фельдек снова смеется: «Муха хфатит. У форопья фсе есть». О, поглядели бы вы на этот пир. Ей-ей, с тех пор я уже никогда так не объедался.

— А как же ты обратно попал? — спросил Шумихруст.

— Вот то-то — «как»! Опять с тем же самым загорчанием, опять с тем же Шуреком. А хотел бы, мог бы там и остаться. Фельдек меня уговаривал, золотые горы сулил, но я сказал: «Нет, брат, нет, это не про меня! Если хочешь, прилетай-ка лучше ты в Словакию, на Загорщину или в Лакшарскую Новую Весь, где моя родная тетя живет». Так ему и сказал. Добром за добро хотел отплатить. Он меня угостил, и мне хотелось его угостить. Но чтоб там остаться?! Я что, с дуба свалился? Научился по-словацки чирикать, так только дома и буду чирикать. Тут у нас совсем по-другому живется,

¹ Что? (нем.).

² Я ничего не понимаю (нем.).

³ Меня зовут Фельдек (нем.).

и чирикается тут веселее, и ухо слышит иначе. Нет, ни на что на свете не променял бы я Словакию. Н-да, но куда я домой попал, натерпелся порядочно. Этот Шурек был жуть какой непутевый: как продал морковь, живо в трактир. Приспичило ему все деньги спустить. А мне-то одному домой не добраться, вот я и не отставал от него. Сел я на стол к нему и ну уговаривать: «Брось дурить, человеке, пошли домой! В такую даль тащил короб с морковью, а как выручил грош, другой, тут же на чужбине и промотать собираешься?» А он мне одно: «Не юли, брат, не юли!» Еще и трактирщик знай на меня прикрикивает. Принесет Шуреку пива, а на меня орет: «Geweg!»¹ Я порх в сторону, а через минуту опять возле Шурека: «Образумься, Шурек, оба мы с тобой загорчале, пойдем домой, пойдем в нашу Словакию!» — «Ну пошли, негодник!» — сказал он наконец. Сунул меня в короб, снова крышку прихлопнул, и мы двинулись. Представляете, какая это была дорога! Шурек шатался из стороны в сторону, а я, бедняга, сидел в этом его коробе, думал, дух испущу. Раз десять, не меньше, он со мной падал. Ну да ладно! Зато я в Вене побывал. Хоть малость по-немецки выучился. Чужому языку обучиться — всегда пригодится. Ведь как говорят: сколько выучил речей, столько раз ты воробей.

— Опять завираешься! Ты же сказал, что там ни с одним воробьем столкнуться не мог.

— Умники! Сразу на слове ловите! Так ведь я ж там два дня был, а за два-то дня чему хотите научишься. Не забывайте, что я профессор! У профессора голова толковая, не чета вашей! Да что говорить! Зря и разговор-то с вами затеял! Какое, в общем-то, мне до вас дело! Пойду-ка я в свое гнездо!

ПРИШЛА ВЕСНА

Пришла весна, и снова воротились ласточки. Нашли они свои гнезда, но нашли в них и квартирантов, а те ни за что не позволяли себя выгнать.

Вот бы вам послушать эту свару! Да разве воробьев так просто выгонишь! Они любыми средствами пытались отсто-

¹ Пошел прочь! (нем.)

ять гнезда и нахально утверждали, что сами их построили. Беда, да и только! Даже драка завязалась, но ласточкам не хотелось с воробьями особенно задиаться. Решили уступить им, но пригрозили, что в птичий суд-де пожалуются. И воробьи испугались. Иные сперва еще поартачились, но в конце концов выселились и гнезда освободили.

А вот Шебо заупрямился. Забрал себе в голову, что не уйдет из гнезда, хоть режь его.

— Мне что ж, уходить, когда я уже привык тут? — сказал он. — Ни за что отсюда не двинусь. Никто меня отсюда не выгонит.

— Но ведь это наше гнездо, мы его построили, — говорили ласточки. — Воробей такое гнездо и построить не может.

— Именно поэтому, — изворачивался Шебо. — У профессора иные заботы, не хватает ему еще с гнездом канителиться! Я вселился сюда, а теперь мне все в другое место перетаскивать?

— Да ведь у тебя и нет ничего! Чего тебе перетаскивать?

— Есть ли, нету ли, а я уже привык тут. Где вы были зимой?

— Ты же знаешь, где мы были.

— Допустим. На юге были. В теплых странах. На солнышке. Еще бы! А я здесь был, здесь зиму выдюжил. Подчас от холода у меня так клюв стучал, что я и глаз сомкнуть не мог. А теперь, когда и тут потеплело, мне из гнезда выбирать-ся? Не уйду, хоть лопните со злости.

— В птичий суд на тебя пожалуемся! — снова пригрозили ему ласточки.

Но Шебо высмеял их:

— Жалуйтесь на здоровье! Думаете, я вашего суда испугался? А кто меня судить будет? Наверняка какая-нибудь Аничка. Не забывайте, что перед вами профессор!

Ласточки не на шутку рассердились. Стали таскать в клювах глину: вход в гнездо замуровывать. И вскорости замуровали его. А уж тогда Шебо давай вопить и жаловаться:

— Беда! Беда! Ласточки Анички, выпустите меня! Вы же знаете, я шучу, я всегда шучу. Прошу вас, побыстрее меня выпустите, не то задохнусь тут.

Ласточки дали ему подольше поплакать, а потом над ним сжалились.

Шебо выбрался из гнезда и взлетел на крышу. Сперва немного смущался, а потом осмелел. Оглядел всех воробьев и напыжился.

— Ну я их и обставил! — сказал он спесиво.

Воробьи расхиликались:

— Как же! Это ты-то их обставил? Да ты чуть не помер со страху.

— Юрики-дурики! Конечно, я их обставил. Вы разве меня не знаете? Хотел пошутить с ними. Вы что, не видали, как они стали шнырять да глину таскать? Хотелось им задать немного работы. А потом я над ними сжалился.

— Кто тебе поверит!

— Не хотите, не верьте! Я вас не заставляю.

— А мы и не верим. Не ты над ними, а они над тобой сжалились. Чего ж ты так кричал, помощи просил?

— Вот дурак петый! Ты, что ли, никогда не кричал? Я потому кричал, что хотел кричать. Для чего у меня горло и клюв? Я ведь мастер покричать, потому и кричал. Хотел им показать, как громко умею кричать и чирикать. Вот это крик был! Слыхали? Кто еще умеет так громко чирикать? Ну-ка вы чего-нибудь крикните! Пусть кто-нибудь попробует так же громко зачирикать!

— А зачем? Нас ведь из гнезда не выгнали.

— Как же! Вас не выгнали, а меня выгнали! Как бы не так! Вы враз убрались, а я удалился только тогда, когда мне захотелось. Думаете, мне там уж очень нравилось? Это, по-вашему, гнездо называется? Воробью простор нужен, ему по меньшей мере две квартиры надобны. А у меня сто квартир. Где хочешь у меня квартира. Профессор везде и всюду найдет квартиру. Только мне еще не всякая квартира подойдет. Мне в квартире и телефон требуется. — И Шебо снова — порх! Отлетел на другую крышу.

Все воробьи — за ним, а он вдруг как сквозь землю провалился. Искали его, кричали ему, все напрасно. Уж беспокоиться стали, не стряслась ли с ним какая беда.

— Шебо, где ты? Куда подевался? — без устали звали во-

робьи.— С тобой ничего не приключилось? Ты не рассердился на нас?

И вдруг откуда-то из глубины донеслось:

— Алло! Кто это? У телефона профессор Шебо! Простите, это кто звонит? Кто желает со мной говорить?

— Шебо, где ты? Скажи!

— Я у телефона.

— У какого телефона?

— У обыкновенного.— Шебо сидел в железной водосточной трубе, в самом низу, и оттуда выкрикивал: — Алло, алло! Кто просит меня? Кто у телефона?

— Юрчик.

— Юрчик? А который Юрчик? — спросил Шебо.

— Мачай.

— Мачай? А который Мачай?

— Юрчик Мачай.

— Юрчик Мачай? А который Юрчик Мачай?

— Ну Мичка.

— Мичка? Послушай, воробей-дуралей, ты опять сменил имя? Приду к тебе и так тебя отаскаю, век не забудешь.

— Попробуй!

— Так как тебя зовут? Мачай или Мичка?

— И Мичка и Мачай.

— И шалопай! — добавил Шебо.— Ну погоди, озорник, вот я тебя отаскаю. И веди себя прилично! Не кричи в телефон. Сперва научись прилично чирикать, а уж потом разговаривай с профессором. И проваливай оттуда! Пошел прочь от телефона!

— Алло! Кто это? — отозвался сверху другой голос.

— Шебо.

— А, Шебо. У телефона Чилибулк.

— Чилибулк? Ну, что нового? Как поживаешь, старый чурбан? Нравится тебе телефон? Все ж таки я ловко придумал.

— Отличная штука! — согласился Чилибулк.— А ты, собственно, где?

— В конторе.

— В какой конторе? — спросил Чилибулк.

— В собственной. Устроил себе контору и с сегодняшнего дня буду тут руководить. Видишь, у меня и телефон здесь.

— Не вижу.

— Как так не видишь? Ты же по телефону со мной разговариваешь.

— Разговариваю-то по телефону, а телефона не вижу.

— Не строй из себя слишком умного! Для профессора твой ум все равно короток. А теперь, Чилибулк, слушай очень внимательно! Немедля созови всех воробьев и объяви им, что через десять минут будет важное собрание. Я хочу вас всех пожурить.

— Не слышу!

— Пожурить вас хочу. Научить приличию и хоть чуточку наставить на ум.

— Не слышу! Тут страшный гвалт!

И в самом деле! Все воробьи, скучившись вокруг Чилибулка, кричали наперебой:

— Алло, алло, алло!

— Алло! Кто у телефона? — раздался строгий голос Шебо.

— Мы все здесь. Алло, алло, алло! Шебо, ты-то где, скажи!

— У телефона. Мне что, прийти к вам навести порядок? Я даже не знаю, с кем разговариваю. Чилибулк еще там?

— Дерется.

— Дерется? С кем?

— С Шумихрустом.

— С Шумихрустом? А кто у телефона?

— Гриц.

— Послушай, Гриц! Скажи Шумихрусту и Чилибулку, пускай немедленно прекратят драку! Немедля! Приказываю! Скажи, что я приказываю. Дай мне Чилибулка! Слышишь, Гриц? Дай мне Чилибулка!

— Чилибулк у телефона! — раздалось сверху.

— Чилибулк? Чурбан старый, тебе делать нечего, да? — совестил его Шебо. — Ты почему дерешься?

— Да разве я дерусь? Мы просто шутим друг с другом.

— Нашел время для шуток! — рассердился Шебо. — Что я тебе сказал?

— Отличная штука!

— Какая штука? — спросил Шебо.

— Да телефон, — ответил Чилибулк. — И в самом деле ты голова.

— Я такого же мнения. Но я спрашиваю, как ты исполнил мое приказание? Ты меня хорошо слышишь?

— Слышу, слышу, — ответил Чилибулк. — Но еще и вижу. Не знаю, видишь ли ты, но я-то хорошо вижу. Небо начинает хмуриться. Похоже, гроза идет. Ей-ей, должно, сильная гроза идет! Вот посмотришь, скоро у тебя в квартире и водопровод будет. Нальет тебе по телефону за шиворот.

— Ты это серьезно? — спросил Шебо.

— Конечно, серьезно, — ответил Чилибулк. — Когда будешь тонуть, позвони! Я же тут наверху, у телефона. Живу в новой квартире.

— В новой квартире? А где?

— Да вот здесь, говорю же, у самого телефона. Только на балке. На деревянной балке под стрехой. Свежий воздух, телефон рядом, красота! Н-да, уже начинает накрапывать, стало быть, водопровод и впрямь будет! Шебо, станешь тонуть, позвонить не забудь!

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Конечно, это была не гроза, а просто обычный весенний дождик. И все-таки вымокнуть Шебо не хотелось, и потому он перебрался к Чилибулку.

— Чего ж ты там не остался? — смеялся Чилибулк. — Я уж было обрадовался, что смогу водопровод похвалить. Хотел тебе звякнуть...

— Не болтай, Чилибулк! — оборвал его Шебо. — Ведь мы с тобой уже не молоды. Если и проказничаем или болтаем всякую чушь, то для других стараемся. Хотим, чтоб воробьям и остальным птицам было весело, но все равно дела наши все хуже и хуже.

— И то правда,— кивнул Чилибулк.— Наши дела как сажа бела. Но не думаю, что ты пришел ко мне жаловаться.

— Не люблю жаловаться,— сказал Шебо,— ты же знаешь. Уж лучше какую-нибудь глупость выкину. Если нужно, все на шутку сверну. Но признаюсь, порой мне уже и шутить не охота. Плохи птичьи дела. Год от года нас все меньше и меньше. Люди знай землю буравят, пашут, перепахивают, лес корчуют, все изменяют. Каждый клочок земли к рукам прибирают, а про нас, птиц, совсем забывают. Порой губят дерево, которое и не мешает им вовсе. Как часто озлятся на птицу за вишенку или виноградинку, а сами у нас целые сады, даже леса отбирают. Им-то что? Подчас сержусь на таких людей. Сколько их теперь мечтает о даче: отдохнуть, мол, там хочется. А мне где отдохнуть? Воробью, зяблику, щеглу, соловью и всяким другим птицам где отдохнуть? Получит человек кусочек земли и сразу начинает лес выкорчевывать. Потом сколотит себе какую-нибудь избенку, перед избенкой смастерит лавочку из двух молодых березок, что срубил на опушке, посадит малость цветов или четыре черенка винограда, а может, два-три смородиновых куста. Бывает, посадит и вишню, но обычно опрыскивает ее какой-то пакостью именно тогда, когда она вся в цвету, когда на нее пчелы садятся. «Дело какое, пчелы подохнут! Это же не мои пчелы!» — рассуждает иной человек. И еще нос задирает, еще заносится! Сидит такой хозяйчик на лавочке либо прохаживается с духовым ружьем перед своей избенкой, а как завидит кого поблизости, нарочно начинает громко вздыхать: «До чего тут хорошо, до чего тут красиво! Вот только всякие птицы — воробьи, скворцы, овсянки и зяблики — житья не дают! Что за напасть такая! Даже и птиц-то всех этих не знаю! Но глаз у меня меткий. Нынче уже четырех уколошил». Такой человек только о себе думает. В прошлом году я попросил одного писателя написать книжки про нас, про птиц. А вот написал ли, не знаю. Может, и поленился. Люди, наверное, и не ведают, что мы, птицы, тоже рассказываем сказки. Иногда и о людях. Например, о том, что люди бывают добрые и злые, добросердечные и зловерные, бывают смешные и очень смешные, а некоторые совсем-совсем глупые.

— Правда, правда! — согласно кивал Чилибулк. — Погляди, как хлещет!

— Здорово льет! Силен дождичек! Наверняка нынче будет хороший урожай.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

А после дождя снова стало весело, и телефон опять затрезвонил. Но теперь уже звонили воробьи помоложе. Старшие только изредка заглядывали в водосточную трубу и время от времени что-то кричали, чтоб видно было, что и они умеют звонить.

— Алло, кто у телефона?

— Я! И я!.. И я!.. — Всякий раз отзывалось несколько голосов сразу.

— Ну хорошо! Все в порядке. Алло! Веселитесь на здоровье! Только чтоб не безобразничать! Не то вечером, увидите, опять задам вам трепку.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. ШУЛЬГИНА.</i> КТО НАПИСАЛ ЭТУ КНИЖКУ?	3
У ПАНА ЛЕСНИЧЕГО НА ШЛЯПЕ КИСТОЧКА	7
ЯИЧКО КУРОЧКИ-НЕВЕЛИЧКИ	45
ЮРЧИКУ ПРИВЕТ ОТ ЮРЧИКА!	87

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге
издательство просит присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Для младшего возраста

Винцент Шикүла

У ПАНА ЛЕСНИЧЕГО НА ШЛЯПЕ КИСТОЧКА

Повести

ИБ № 7067

Ответственный редактор Т. П. Владимирская. Художественный редактор Е. М. Ларская. Технические редакторы Г. Г. Рыжкова и М. В. Газарина. Корректор Г. В. Романова. Сдано в набор 21.05.85. Подписано к печати 04.12.85. Формат 70×90¹/₄. Бум. офс. № 1. Шрифт академический. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,53. Усл. кр.-отт. 22,59. Уч.-изд. л. 7,52. Тираж 100 000 экз. Заказ № 419. Цена 50 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

